

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

ТАМАНГО

Проспер Мери́ме

(1803—1870)

ПРОСПЕР МЕРИМЕ

**МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ
ТАМАНГО**

Новеллы

**Москва
«Детская литература»
1985**

И (Франц)
М52

Р. Mérimée
ROMANS ET NOUVELLES
Gallimard 1951
Перевод
О. ЛАВРОВОЙ
и А. ТЕТЕРЕВНИКОВОЙ
Послесловие
ВИКТОРА ЕРОФЕЕВА

*Перевод
с французского*

*Рисунки
Г. Акулова*

*Scan: Lykas, 2023
Djvu: Babulkin, 2024*

Мериме П.

М52 Маттео Фальконе. Таманго: Новеллы/ Пер. с франц. О. Лавровой и А. Тетеревниковой; Послеслов. Вик. Ерофеева; Рис. Г. Акулова.— М.: Дет. лит., 1985.—48 с., ил.

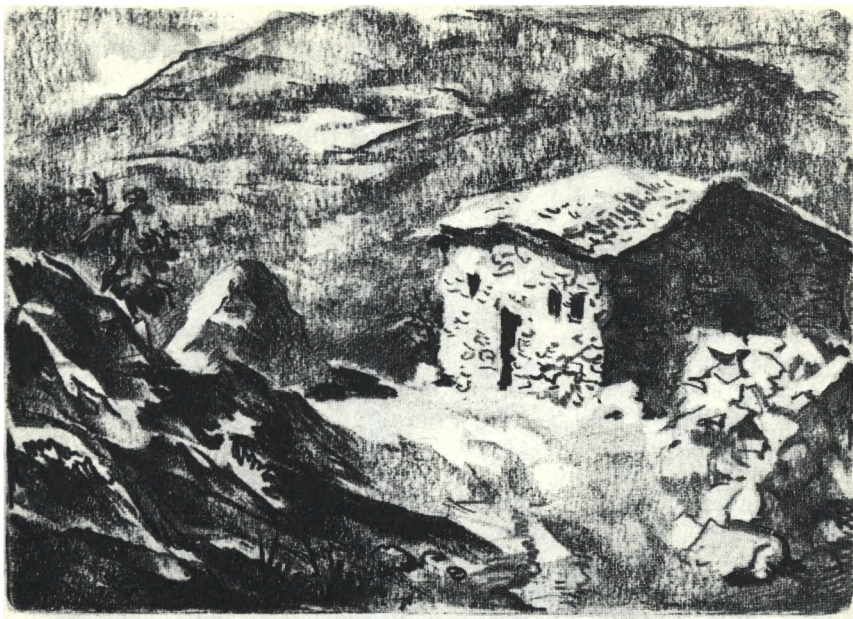
10 к.

Новеллы о людях сильных характеров: непреклонном африканском вожде, возглавившем бунт на работоторговом судне, и суровом корсиканце, не простившем сыну предательства.

М 4803020000—288 501—85
М101(03)85

И (Франц)

Рисунки, 1978 г.
Послесловие, 1985 г.
 ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

Если пойти на северо-запад от Порто-Веккьо в глубь острова, то местность начнет довольно круто подниматься, и после трехчасовой ходьбы по извилистым тропкам, загроможденным большими обломками скал и кое-где пересеченным оврагами, выйдешь к обширным зарослям *маки*. *Маки* — родина корсиканских пастухов и всех, кто не в ладах с правосудием. Надо сказать, что корсиканский земледелец, не желая брать на себя труд унавоживать свое поле, выжигает часть леса: не его забота, если огонь распространится дальше, чем это нужно; что бы там ни было, он уверен, что получит хороший урожай на земле, удобренной золой сожженных деревьев. После того как колосья собраны (солому оставляют, так как ее трудно убирать), корни деревьев, оставшиеся в земле нетронутыми, пускают на следующую весну частые побеги; через несколько лет они достигают высоты в семь-восемь футов. Вот эта-то густая поросль и называется *маки*. Она состоит из самых разнообразных деревьев и кустарников, перепутанных как

попало. Только с топором в руке человек может проложить в них путь; а бывают *маки* такие густые и непроходимые, что даже муфлоны не могут пробраться сквозь них.

Если вы убили человека, бегите в *маки* Порто-Веккьо, и вы проживете там в безопасности, имея при себе доброе ружье, порох и пули; не забудьте прихватить с собой коричневый плащ с капюшоном¹ — он заменит вам и одеяло и подстилку. Пастухи дадут вам молока, сыра и каштанов, и вам нечего бояться правосудия или родственников убитого, если только не появится необходимость спуститься в город, чтобы пополнить запасы пороха.

Когда в 18... году я посетил Корсику, дом Маттео Фальконе не находился в полумиле от этого *маки*.

Маттео Фальконе был довольно богатый человек по тамошним местам; он жил честно, то есть ничего не делая, на доходы от своих многочисленных стад, которые пастухи-кочевники пасли в горах, перегоняя с места на место. Когда я увидел его два года спустя после того происшествия, о котором я намереваюсь рассказать, ему нельзя было дать более пятидесяти лет. Представьте себе человека небольшого роста, но крепкого, с вьющимися черными как смоль волосами, орлиным носом, тонкими губами, большими живыми глазами и лицом цвета невыделанной кожи. Меткость, с которой он стрелял из ружья, была необычной даже для этого края, где столько хороших стрелков. Маттео, например, никогда не стрелял в муфлона дробью, но на расстоянии ста двадцати шагов убивал его наповал выстрелом в голову или в лопатку — по своему выбору. Ночью он владел оружием так же свободно, как и днем. Мне рассказывали о таком примере его ловкости, который мог бы показаться неправдоподобным тому, кто не бывал на Корсике. В восьмидесяти шагах от него ставили зажженную свечу за листом прозрачной бумаги величиной с тарелку. Он прицеливался, затем свечу тушили, и спустя минуту в полной темноте он стрелял и три раза из четырех пробивал бумагу.

Такое необыкновенно высокое искусство доставило Маттео Фальконе большую известность. Его считали таким же хорошим другом, как и опасным врагом; впрочем, услужливый для друзей и щедрый к бедным, он жил в мире со всеми в округе Порто-Веккьо. Но о нем рассказывали, что в Кортэ, откуда он взял себе жену, он жестоко расправился с соперником, который слыл за человека опасного, как на войне, так и в любви; по крайней мере, Маттео приписывали выстрел из ружья, который настиг соперника в ту минуту, когда тот брился перед зер-

¹ Плащ с капюшоном — pilone. (Примеч. автора.)

кальцем, висевшим у окна. Когда эту историю замяли, Маттео женился. Его жена Джузеппа родила ему сначала одну за другой трех дочерей (что всякий раз приводило его в ярость) и наконец сына, которому он дал имя Фортунато,— надежду семьи и продолжателя рода. Дочери были удачно выданы замуж: в случае чего отец мог рассчитывать на кинжалы и карабины зятьев. Сыну исполнилось только десять лет, но он подавал уже большие надежды.

Однажды ранним осенним утром Маттео с женой отправились в *маки* поглядеть на свои стада, которые паслись на прогалине. Маленький Фортунато хотел идти с ними, но пастбище было слишком далеко, кому-нибудь надо было остаться стеречь дом, и отец не взял его с собой. Из дальнейшего будет видно, как ему пришлось в том раскаяться.

Прошло уже несколько часов, как они ушли; маленький Фортунато спокойно лежал на самом солнцепеке и, глядя на голубые горы, думал, что в будущее воскресенье он пойдет обедать в город к своему дяде сарога¹, как вдруг его размышления были прерваны ружейным выстрелом. Он вскочил и повернулся в сторону равнины, откуда донесся этот звук. Снова через неравные промежутки времени слышались выстрелы, все ближе и ближе; наконец на тропинке, ведущей от равнины к дому Маттео, показался человек, в островерхой шапке, какие носят горцы, покрытый лохмотьями, обросший бородой. Он с трудом передвигал ноги, опираясь на ружье. Его только что ранили в бедро.

Это был бандит², который, отправившись ночью в город за порохом, попал в засаду корсиканских вольтижеров³. Он яростно отстреливался и в конце концов сумел спастись от погони, прячась за уступы скал. Но он ненамного опередил солдат: рана не позволила ему добежать до *маки*.

Он подошел к Фортунато и спросил:

— Ты сын Маттео Фальконе?

— Да.

¹ Сарога¹. — Капралами прежде назывались предводители, которых выбирали корсиканские коммуны, восставшие против феодальных сеньоров. В настоящее время так иногда называют человека, который благодаря своим владениям, связям и обширной клиентуре пользуется влиянием и обладает своего рода судебной властью в *риеве*, то есть в кантоне. По старинному обычаю корсиканцы делятся на пять сословий: дворяне (из них один — *magnifici*, другие — *signori*), сарога¹, граждане, плебеи и чужестранцы. (Примеч. автора.)

² Бандит — здесь: скрывающийся преступник. (Примеч. автора.)

³ Вольтижеры — отряды стрелков, с недавнего времени набираемые правительством для того, чтобы они заодно с жандармами помогали полиции. (Примеч. автора.)

— Я Джаннетто Санпьеро. За мной гонятся желтые воротники¹. Спрячь меня, я не могу больше идти.

— А что скажет отец, если я спрячу тебя без его разрешения?

— Он скажет, что ты хорошо сделал.

— Как знать!

— Спрячь меня скорей, они идут сюда!

— Подожди, пока вернется отец.

— Ждать? Проклятье! Да они будут здесь через пять минут. Ну же, спрячь меня скорей, а не то я убью тебя!

Фортунаато ответил ему с полным хладнокровием:

— Ружье твоё разряжено, а в твоей *carcassa*² нет больше патронов.

— При мне стилет.

— Где тебе угнаться за мной!

Одним прыжком он очутился вне опасности.

— Нет, ты не сын Маттео Фальконе! Неужели ты позволишь, чтобы меня схватили возле твоего дома?

Это, видимо, подействовало на мальчика.

— А что ты мне дашь, если я спрячу тебя?— спросил он, приближаясь.

Бандит пошарил в кожаной сумке, висевшей у него на поясе, и вынул оттуда пятифранковую монету, которую он, вероятно, припрятал, чтобы купить пороху. Фортунаато улыбнулся при виде серебряной монеты; он схватил ее и сказал Джаннетто:

— Не бойся ничего.

Тотчас же он сделал большое углубление в копне сена, стоявшей возле дома. Джаннетто свернулся в нем клубком, и мальчик прикрыл его сеном так, чтобы воздух проникал туда и ему было чем дышать. Никому бы и в голову не пришло, что в копне кто-то спрятан. Кроме того, с хитростью дикаря он придумал еще одну уловку. Он притащил кошку с котятами и положил ее на сено, чтобы казалось, будто его давно уже не ворошили. Потом, заметив следы крови на тропинке у дома, он тщательно засыпал их землей и снова как ни в чем не бывало растянулся на солнцепеке.

Несколько минут спустя шестеро стрелков в коричневой форме с желтыми воротниками под командой сержанта уже стояли перед домом Маттео. Этот сержант приходился дальним родственником Фальконе. (Известно, что на Корсике более чем где-либо считаются родством.) Его звали Теодоро

¹ Желтые воротники.— В то время вольтижеры носили коричневые мундиры с желтыми воротниками. (*Примеч. автора.*)

² *Carcassa* — кожаный пояс, заменяющий патронташ и сумку. (*Примеч. автора.*)

Гамба. Это был очень деятельный человек, гроза бандитов, которых он переловил немало.

— Здорово, племянничек!— сказал он, подходя к Фортунато.— Как ты вырос! Не проходил ли тут кто-нибудь сейчас?

— Ну, дядя, я еще не такой большой, как вы!— ответил мальчик с простодушным видом.

— Подрастешь! Ну, говори же: тут никто не проходил?

— Проходил ли здесь кто-нибудь?

— Да, человек в островерхой бархатной шапке и в куртке, расшитой красным и желтым.

— Человек в островерхой бархатной шапке и куртке, расшитой красным и желтым?

— Да. Отвечай скорей и не повторяй моих вопросов.

— Сегодня утром мимо нас проехал священник на своей лошади Пьеро. Он спросил, как поживает отец, и я ответил ему...

— Ах, шельмец! Ты хитришь! Отвечай скорей, куда девался Джаннетто, мы его ищем. Он прошел по этой тропинке, я в этом уверен.

— Почему мне знать?

— Почему знать? А я вот знаю, что ты его видел.

— Разве видишь прохожих, когда спишь?

— Ты не спал, плут! Выстрелы разбудили тебя.

— Вы думаете, дядюшка, что ваши ружья так громко стреляют? Отцовский карабин стреляет куда громче.

— Черт бы тебя побрал, проклятое отродье! Я уверен, что ты видел Джаннетто. Может быть, даже спрятал его. Ребята! Входите в дом, поищите там нашего беглеца. Он ковылял на одной лапе, а у этого мерзавца слишком много здравого смысла, чтобы попытаться дойти до *маки* хромая. Да и следы крови кончаются здесь.

— А что скажет отец?— спросил Фортунато насмешливо.— Что он скажет, когда узнает, что без него входили в наш дом?

— Мошенник!— сказал Гамба, хватая его за ухо.— Стоит мне только захотеть, и ты запоешь по-иному! Следует, пожалуй, дать тебе десятка два ударов саблей плашмя, чтобы ты наконец заговорил.

А Фортунато продолжал посмеиваться.

— Мой отец — Маттео Фальконе!— сказал он значительно.

— Знаешь ли ты, плутишка, что я могу увезти тебя в Корте или в Бастию, бросить в тюрьму, на солому, заковать в кандалы и отрубить голову, если ты не скажешь, где Джаннетто Санпьеро?

Мальчик расхохотался, услышав такую смешную угрозу. Он повторил:

— Мой отец — Маттео Фальконе.

— Сержант!— тихо сказал один из вольтижеров.— Не надо ссориться с Маттео.

Гамба был явно в затруднении. Он вполголоса переговаривался с вольтижерами, которые успели уже осмотреть весь дом. Это заняло не так много времени, потому что жилище корсиканца состоит из одной квадратной комнаты. Стол, скамейки, сундуки, домашняя утварь и охотничьи принадлежности — вот и вся его обстановка. Маленький Фортунато гладил тем временем кошку и, казалось, ехидствовал над замешательством вольтижеров и дядюшки.

Один из вольтижеров подошел к копне сена. Он увидел кошку и, небрежно ткнув в сено штыком, пожал плечами, как бы сознавая, что такая предосторожность нелепа. Ничто не пошевелилось, лицо мальчика не выразило ни малейшего волнения.

Сержант и его отряд теряли терпение; они уже поглядывали на равнину, как бы собираясь вернуться туда, откуда пришли, но тут их начальник, убедившись, что угрозы не производят никакого впечатления на сына Фальконе, решил сделать последнюю попытку и испытать силу ласки и подкупа.

— Племянник!— проговорил он.— Ты, кажется, славный мальчик. Ты пойдешь далеко. Но, черт побери, ты ведешь со мной дурную игру, и, если б не боязнь огорчить моего брата Маттео, я увел бы тебя с собой.

— Еще чего!

— Но когда Маттео вернется, я расскажу ему все, как было, и за твою ложь он хорошенько выпорот тебя.

— Посмотрим!

— Вот увидишь... Но слушай: будь умником, и я тебе что-то дам.

— А я, дядюшка, дам вам совет: если вы будете медлить, Джаннетто уйдет в *маки*, и тогда потребуется еще несколько таких молодчиков, как вы, чтобы его догнать.

Сержант вытащил из кармана серебряные часы, которые стоили добрых десять экю, и, заметив, что глаза маленького Фортунато загорелись при виде их, сказал ему, держа часы на весу за конец стальной цепочки:

— Плутиска! Тебе бы, наверно, хотелось носить на груди такие часы, ты прогуливался бы по улицам Порто-Веккьо гордо, как павлин, и когда прохожие спрашивали бы у тебя: «Который час?»— ты отвечал бы: «Поглядите на мои часы».

— Когда я вырасту, мой дядя капрал подарит мне часы.

— Да, но у сына твоего дяди уже есть часы... правда, не такие красивые, как эти... а ведь он меньше тебя.

Мальчик вздохнул.

— Ну что ж, хочешь ты получить эти часы, племянничек?

Фортунато, искоса поглядывавший на часы, походил на ко-та, которому подносят целого цыпленка. Чувствуя, что его

дразнят, он не решается запустить в него когти, время от времени отводит глаза, чтобы устоять против соблазна, поминутно облизывается и всем своим видом словно говорит хозяину: «Как жестока эта шутка!»

Однако сержант Гамба, казалось, и впрямь решил подарить ему часы. Фортунато не протянул руки за ними, но сказал ему с горькой усмешкой:

— Зачем вы смеетесь надо мной?¹

— Ей-богу, не смеюсь. Скажи только, где Джаннетто, и часы твои.

Фортунато недоверчиво улыбнулся, его черные глаза впились в глаза сержанта, он старался прочесть в них, насколько можно верить его словам.

— Пусть с меня снимут эполеты,— вскричал сержант,— если ты не получишь за это часы! Солдаты будут свидетелями, что я не откажусь от своих слов.

Говоря так, он всё ближе и ближе подносил часы к Фортунато, почти касаясь ими бледной щеки мальчика. Лицо Фортунато явно отражало вспыхнувшую в его душе борьбу между страстным желанием получить часы и долгом гостеприимства. Его голая грудь тяжело вздымалась — казалось, он сейчас задохнется. А часы покачивались перед ним, вертелись, то и дело задевая кончик его носа. Наконец Фортунато нерешительно потянулся к часам, пальцы правой руки коснулись их, часы легли на его ладонь, хотя сержант все еще не выпускал из рук цепочку... Голубой циферблат... Ярко начищенная крышка... Она огнем горит на солнце... Искушение было слишком велико.

Фортунато поднял левую руку и указал большим пальцем через плечо на копну сена, к которой он прислонился. Сержант сразу понял его. Он отпустил конец цепочки, и Фортунато почувствовал себя единственным обладателем часов. Он вскочил стремительнее лани и отбежал на десять шагов от копны, которую вольтижеры принялись тотчас же раскидывать.

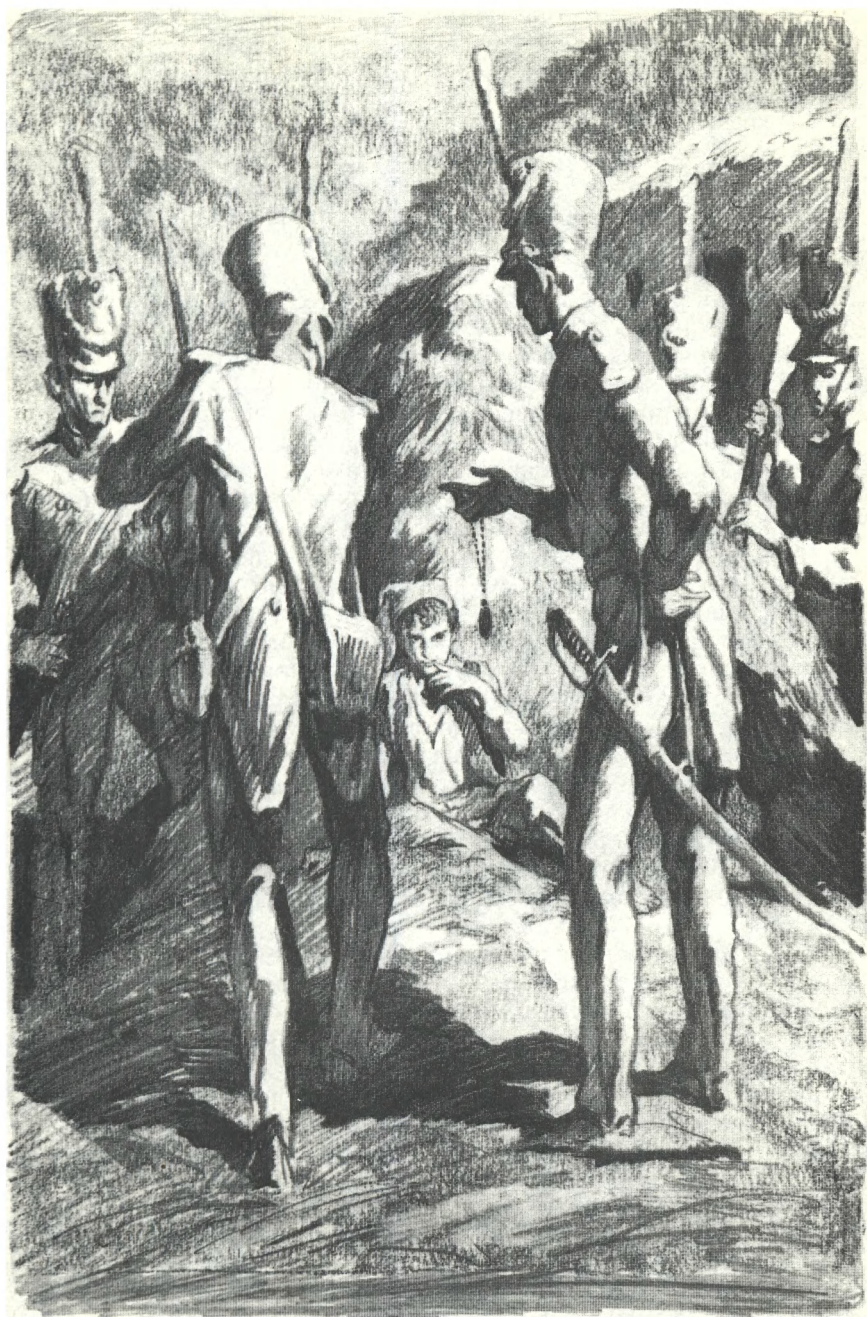
Сено зашевелилось, и окровавленный человек со стилетом в руке вылез из копны; он попытался стать на ноги, но запекшаяся рана не позволила ему этого. Он упал. Сержант бросился на него и вырвал стилет. Его сейчас же связали по рукам и ногам, несмотря на сопротивление.

Лежа на земле, скрученный, как вязанка хвороста, Джаннетто повернул голову к Фортунато, который подошел к нему.

— ...сын!— сказал он скорее презрительно, чем гневно.

Мальчик бросил ему серебряную монету, которую получил от него,— он сознавал, что уже не имеет на нее права,— но

¹ Зачем вы смеетесь надо мной?— *Perché me c...? (Примеч. автора.)*

преступник, казалось, не обратил на это никакого внимания. С полным хладнокровием он сказал сержанту:

— Дорогой Гамба! Я не могу идти; вам придется нести меня до города.

— Ты только что бежал быстрее козы,— возразил жестокий победитель.— Но будь спокоен: от радости, что ты наконец попался мне в руки, я бы пронес тебя на собственной спине целую милю, не чувствуя усталости. Впрочем, приятель, мы сделаем для тебя носилки из веток и твоего плаща, а на ферме Кресполи найдем лошадей.

— Ладно,— молвил пленник,— положите только немного соломы на носилки, чтобы мне было удобнее...

Пока вольтижеры были заняты — кто приготовлением носилок из ветвей каштана, кто перевязкой раны Джаннетто,— на повороте тропинки, ведущей в *маки*, вдруг появились Маттео Фальконе и его жена. Женщина с трудом шла, согнувшись под тяжестью огромного мешка с каштанами, в то время как муж шагал налегке с одним ружьем в руках, а другим — за спиной, ибо никакая ноша, кроме оружия, недостойна мужчины.

При виде солдат Маттео прежде всего подумал, что они пришли его арестовать. Откуда такая мысль? Разве у Маттео были какие-нибудь нелады с властями? Нет, имя его пользовалось доброй славой. Он был, что называется, благонамеренным обывателем, но в то же время корсиканцем и горцем, а кто из корсиканцев-горцев, хорошенько порывшись в памяти, не найдет у себя в прошлом какого-нибудь грешка: ружейного выстрела, удара кинжалом и тому подобного пустячка? Совесть Маттео была чище, чем у кого-либо, ибо вот уже десять лет, как он не направлял дула своего ружья на человека, но все же он был настороже и приготовился стойко защищаться, если это понадобится!

— Жена!— сказал он Джузеппе.— Положи мешок и будь наготове.

Она тотчас же повиновалась. Он передал ей ружье, которое висело у него за спиной и могло ему помешать. Второе ружье он взял на прицел и стал медленно приближаться к дому, держась ближе к деревьям, окаймлявшим дорогу, готовый при малейшем враждебном действии укрыться за самым толстым стволом, откуда он мог бы стрелять из-за прикрытия. Джузеппа шла за ним следом, держа второе ружье и патронташ. Долг хорошей жены — во время боя заряжать ружье для своего мужа.

Сержанту тоже стало как-то не по себе, когда он увидел медленно приближавшегося Маттео с ружьем наготове и пальцем на курке.

«А что,— подумал он,— если Маттео — родственник или друг Джаннетто и захочет его защищать? Тогда двое из нас

наверняка получат пули его ружей, как письма с почты. Ну, а если он прицелится в меня, несмотря на наше родство?..»

Наконец он принял смелое решение — пойти навстречу Маттео и, как старому знакомому, рассказать ему обо всем случившемся. Однако короткое расстояние, отделявшее его от Маттео, показалось ему ужасно длинным.

— Эй, приятель! — кричал он. — Как поживаешь, дружище? Это я, Гамба, твой родственник!

Маттео, не говоря ни слова, остановился; пока сержант говорил, он медленно поднимал дуло ружья так, что оно оказалось направленным в небо в тот момент, когда сержант приблизился.

— Добрый день, брат!¹ — сказал сержант, протягивая ему руку. — Давненько мы не виделись.

— Добрый день, брат!

— Я зашел мимоходом поздороваться с тобой и сестрицей Пеппой. Сегодня мы сделали изрядный конец, но у нас слишком знатная добыча, и мы не можем жаловаться на усталость. Мы только что накрыли Джаннетто Санпьеро.

— Слава богу! — вскричала Джузеппа. — На прошлой неделе он увел у нас дойную козу.

Эти слова обрадовали Гамбу.

— Бедняга! — отозвался Маттео. — Он был голоден!

— Этот негодяй защищался как лев, — продолжал сержант, слегка раздосадованный. — Он убил одного моего стрелка и раздробил руку капралу Шардону; ну, да это беда невелика: ведь Шардон — француз... И потом он так хорошо спрятался, что сам дьявол не сыскал бы его. Если бы не мой племянник Фортунато, я никогда бы его не нашел.

— Фортунато? — вскричал Маттео.

— Фортунато? — повторила Джузеппа.

— Да! Джаннетто спрятался вон в той копне сена, но племянник раскрыл его хитрость. Я расскажу об этом его дяде капралу, и тот пришлет ему в награду хороший подарок. А я упомяну и его и тебя в донесении на имя прокурора.

— Проклятье! — чуть слышно произнес Маттео.

Они подошли к отряду. Джаннетто лежал на носилках, его собирались унести. Увидев Маттео рядом с Гамбой, он как-то странно усмехнулся, а потом, повернувшись лицом к дому, плюнул на порог и сказал:

— Дом предателя!

Только человек, обреченный на смерть, мог осмелиться назвать Фальконе предателем. Удар кинжала немедленно отпла-

¹ Добрый день, брат! (Buon giorno, fratello!) — обычное приветствие у корсиканцев. (Примеч. автора.)

тил бы за оскорбление, и такой удар не пришлось бы повторять.

Однако Маттео поднес только руку ко лбу, как человек, убитый горем.

Фортунаато, увидев отца, ушел в дом. Вскоре он снова появился с миской молока в руках и, опустив глаза, протянул ее Джаннетто.

— Прочь от меня!— громовым голосом закричал арестованный.

Затем, обернувшись к одному из вольтижеров, промолвил:

— Товарищи! Дайте мне напиться.

Солдат подал ему флягу, и бандит отпил воду, поднесенную рукой человека, с которым он только что обменивался выстрелами. Потом он попросил не скручивать ему руки за спиной, а связать их крестом на груди.

— Я люблю лежать удобно,— сказал он.

Его просьбу с готовностью исполнили; затем сержант подал знак к выступлению, простился с Маттео и, не получив ответа, быстрым шагом двинулся к равнине.

Прошло около десяти минут, а Маттео все молчал. Мальчик тревожно поглядывал то на мать, то на отца, который, опираясь на ружье, смотрел на сына с выражением сдержанного гнева.

— Хорошо начинаешь!— сказал наконец Маттео голосом спокойным, но страшным для тех, кто знал этого человека.

— Отец!— вскричал мальчик; глаза его наполнились слезами, он сделал шаг вперед, как бы собираясь упасть перед ним на колени.

Но Маттео закричал:

— Прочь!

И мальчик, рыдая, остановился неподвижно в нескольких шагах от отца. Подошла Джузеппа. Ей бросилась в глаза щепочка от часов, конец которой выглядывал из-под рубашки Фортунато.

— Кто дал тебе эти часы?— спросила она строго.

— Дядя сержант.

Фальконе выхватил часы и, с силой швырнув о камень, разбил их вдребезги.

— Жена!— сказал он.— Мой ли это ребенок?

Смуглые щеки Джузеппы стали краснее кирпича.

— Опомнись, Маттео! Подумай, кому ты это говоришь!

— Значит, этот ребенок первый в нашем роду стал предателем.

Рыдания и всхлипывания Фортунато усилились, а Фальконе по-прежнему не сводил с него своих рысьих глаз. Наконец он

стукнул прикладом о землю и, вскинув ружье на плечо, пошел по дороге в *маки*, приказав Фортунато следовать за ним. Мальчик повиновался.

Джузеппа бросилась к Маттео и схватила его за руку.

— Ведь это твой сын!— вскричала она дрожащим голосом, впиваясь черными глазами в глаза мужа и словно пытаясь прочесть то, что творилось в его душе.

— Оставь меня,— сказал Маттео.— Я его отец!

Джузеппа поцеловала сына и, плача, вернулась в дом. Она бросилась на колени перед образом богоматери и стала горячо молиться. Между тем Фальконе, пройдя шагов двести по тропинке, спустился в небольшой овраг. Попробовав землю прикладом, он убедился, что земля рыхлая и что копать ее будет легко. Место показалось ему пригодным для исполнения его замысла.

— Фортунато! Стань у того большого камня.

Исполнив его приказание, Фортунато упал на колени.

— Молись!

— Отец! Отец! Не убивай меня!

— Молись!— повторил Маттео грозно.

Запинаясь и плача, мальчик прочитал «Отче наш» и «Верую». Отец в конце каждой молитвы твердо произносил «аминь».

— Больше ты не знаешь молитв?

— Отец! Я знаю еще «Богородицу» и литанию, которой научила меня тетя.

— Она очень длинная... Ну все равно, читай.

Литанию мальчик договорил совсем беззвучно.

— Ты кончил?

— Отец, пощади! Прости меня! Я никогда больше не буду! Я попрошу дядю капрала, чтобы Джаннетто помиловали!

Он лепетал еще что-то; Маттео вскинул ружье и, прицелившись, сказал:

— Да простит тебя бог!

Фортунато сделал отчаянное усилие, чтобы встать и припасть к ногам отца, но не успел. Маттео выстрелил, и мальчик упал мертвый.

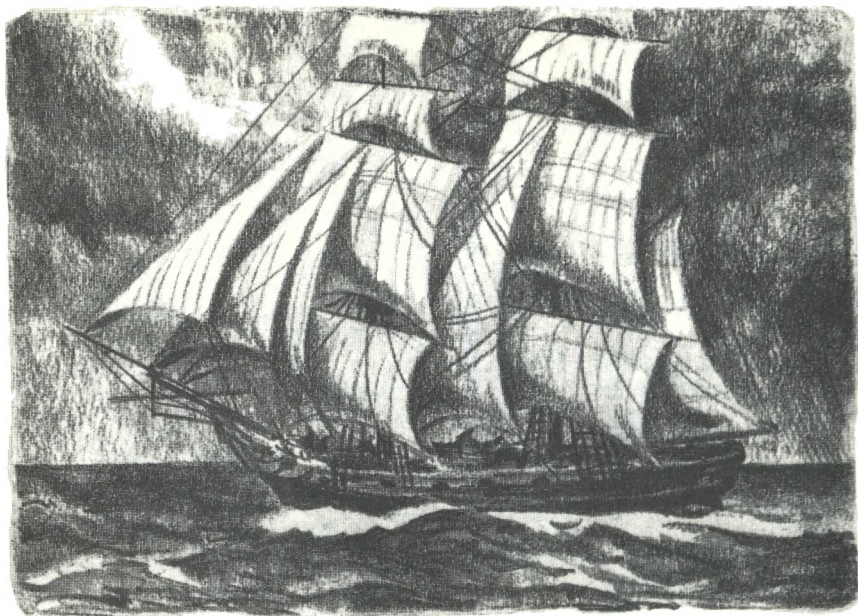
Даже не взглянув на труп, Маттео пошел по тропинке к дому за лопатой, чтобы закопать сына. Не успел он пройти и нескольких шагов, как увидел Джузеппу: она бежала, встревоженная выстрелом.

— Что ты сделал?— воскликнула она.

— Свершил правосудие.

— Где он?

— В овраге. Я сейчас похороню его. Он умер христианином. Я закажу по нем панихиду. Надо сказать зятю, Теодору Бьянки, чтобы он переехал к нам жить.

ТАМАНГО

Капитан Леду был бравый моряк. Он начал службу простым матросом, потом стал помощником рулевого. В битве при Трафальгаре осколком разбитой мачты ему раздробило кисть левой руки; руку ампутировали, а Леду списали с корабля, снабдив хорошими аттестациями. Он не любил спокойной жизни и, когда представился случай снова пуститься в плавание, поступил вторым помощником капитана на каперское судно¹. Деньги, вырученные за добычу, взятую с нескольких неприятельских кораблей, дали ему возможность купить книги и заняться теорией мореплавания, которое он в совершенстве изучил на практике. Несколько лет спустя он стал капитаном трехпушечного каперского люгера² с экипажем в шестьдесят

¹ Каперское судно — частное судно, владелец которого имел разрешение от своего правительства захватывать неприятельские, а в известных случаях и нейтральные торговые суда.

² Люгер — небольшое двухмачтовое парусное судно.

человек, и моряки каботажного плавания с острова Джерси до сих пор помнят о его подвигах. Заключение мира¹ привело его в уныние: во время войны он скопил небольшой капитал и надеялся увеличить его за счет англичан. Обстоятельства заставили его предложить свои услуги мирным коммерсантам, и так как он слыл человеком решительным и опытным, ему охотно доверили судно. Когда запретили торговлю неграми и тем, кто хотел заниматься ею, пришлось не только обманывать бдительность французского таможенного надзора, что было не так уж трудно, но кроме того — и это было более опасно, — ускользать от английских крейсеров, капитан Леду стал незаменимым человеком для торговцев «черным деревом».

В отличие от большинства моряков, подобно ему долго тянувших лямку на матросской службе, у него не было того непреодолимого страха перед новшествами и той косности, от которых они никак не могут избавиться, даже попав на высшие должности. Капитан Леду, напротив, был первым, кто предложил своему судовладельцу ввести в обиход железные баки для пресной воды. Наручники и цепи, запас которых обычно имеется на невольничьем судне, всегда были у него новейшей системы и тщательно покрывались лаком для предохранения от ржавчины. Но больше всего прославил его среди работорговцев бриг, построенный под его собственным руководством и специально предназначенный для перевозки невольников: легкое парусное судно, узкое и длинное, как военный корабль, но в то же время вмещающее большое число негров. Он назвал этот бриг «Надеждой». Он потребовал, чтобы междупалубные пространства, узкие, со впалыми стенками, были не выше трех футов четырех дюймов, и утверждал, что при такой высоте невольники не слишком большого роста могут сидеть достаточно удобно; а вставать... да зачем им вставать?

— Когда их привезут в колонии, — говорил Леду, — им и так слишком много придется быть на ногах!

Прислонясь спиной к внутренней обшивке, негры сидели двумя параллельными рядами, между которыми оставалось свободное место, на всех других невольничьих судах служившее только для прохода. Леду догадался поместить чернокожих и сюда, уложив их перпендикулярно к сидящим. Таким образом его корабль вмещал на десяток негров больше, чем всякое другое судно того же водоизмещения. В крайнем случае можно было втиснуть еще несколько невольников, но нельзя же забывать о гуманности и надо же отвести каждому негру по меньшей мере пять футов в длину и два в ширину, чтобы он мог хоть немного размяться во время плавания, продолжающегося шесть недель, а то и дольше.

¹ Имеется в виду мир, заключенный Францией с Англией после Реставрации, в 1815 году.

— Ведь в конце концов,— говорил Леду своему хозяину, чтобы оправдать эту либеральную меру,— негры, в сущности, такие же люди, как и белые.

«Надежда» вышла из Нанта в пятницу, как впоследствии вспомнили суеверные люди. Инспекторы, добросовестно осмотревшие бриг, не обнаружили шести больших ящиков, наполненных цепями, наручниками и теми длинными железными брусьями, которые, не знаю почему, называют «палицы правосудия». Они не удивились также огромному запасу пресной воды, взятому «Надеждой», хотя по документам корабль шел только до Сенегала, чтобы закупить там дерево и слоновую кость. Переход, правда, невелик, но в конце концов лишняя предосторожность повредить не может. А вдруг их застанет штиль — что тогда делать без воды?

Итак, хорошо оснащенная и снабженная всем необходимым, «Надежда» отплыла в пятницу. Леду, пожалуй, предпочел бы, чтобы мачты на его корабле были попрочнее; впрочем, пока он командовал судном, ему не пришлось на них жаловаться. Переход был удачный, и он быстро достиг берегов Африки. Он бросил якорь в устье реки Джоаль (если я не спутал названия) в такое время, когда английские крейсера не вели наблюдения за этой частью побережья. Сейчас же на борт «Надежды» явились туземные торговые агенты. Момент был как нельзя более благоприятный: Таманго, прославленный воин и продавец людей, как раз пригнал к берегу множество невольников и отдавал их по дешевой цене, вполне уверенный в том, что у него хватит сил и умения доставить на место сбыта новый товар, как только эта партия будет раскуплена.

Капитан Леду велел отвезти себя на берег и отправился с визитом к Таманго. Его привели в наспех построенную для негритянского вождя соломенную хижину, где тот ждал его в обществе двух своих жен, нескольких барышников и надсмотрщиков. По случаю встречи с белым капитаном Таманго принарядился. На нем был старый голубой мундир с еще сохранившимися нашивками капрала, но с каждого плеча свисали по два золотых эполета, пристегнутых к одной пуговице и болтавшихся один спереди, другой сзади. Мундир, надетый на голое тело, был коротковат для его роста, и между штанами из гвинейской ткани и белой оторочкой мундира виднелась довольно большая полоса черной кожи, похожая на широкий пояс. На боку у него висела длинная кавалерийская сабля, подвязанная веревкой, а в руке он держал отличное двуствольное ружье английской марки. В этом наряде африканский воин считал себя элегантнее самого модного щеголя Парижа или Лондона.

Капитан Леду с минуту молча глядел на него, а Таманго, вытянувшись, как гренадер на смотре перед иностранным ге-

нералом, наслаждался впечатлением, которое, по его мнению, он произвел на белого. Леду внимательно, взглядом знатока, осмотрел его и, обернувшись к своему помощнику, сказал:

— Вот это молодец! Я взял бы за него не меньше тысячи эку, если бы доставил его живым и здоровым на Мартинику.

Они сели, и один матрос, знавший немного йолофский¹ язык, взял на себя обязанности переводчика. После обмена учтивыми приветствиями, полагающимися при встрече, юнга принес корзину с бутылками водки; они выпили, и капитан, чтобы задобрить Таманго, подарил ему красивую медную пороховницу, украшенную рельефным изображением Наполеона. Подарок был принят с подобающей случаю благодарностью; все вышли из хижины, уселись в тени, поставив перед собой бутылки с водкой, и Таманго подал знак привести невольников, предназначенных для продажи.

Они появились, выстроенные длинной вереницей, сгорбленные от усталости и страха; на шее у каждого была рогатка длиной более шести футов, расходящиеся концы которой соединялись на затылке деревянной перекладиной. Когда нужно тронуться в путь, один из надсмотрщиков кладет себе на плечо длинный конец рогатки первого невольника; тот берет рогатку идущего за ним человека, второй несет рогатку третьего раба и так далее. Если нужно передохнуть, вожак колонны втыкает в землю острый конец ручки своей рогатки, и вся колонна останавливается. Понятно, что нечего и думать о побеге, когда за шею тебя держит толстая палка в шесть футов длины.

Глядя на каждого проходившего перед ним невольника, мужчину или женщину, капитан пожимал плечами, ворчал, что мужчины тщедушны, женщины слишком стары или слишком молоды, и сетовал на вырождение черной расы.

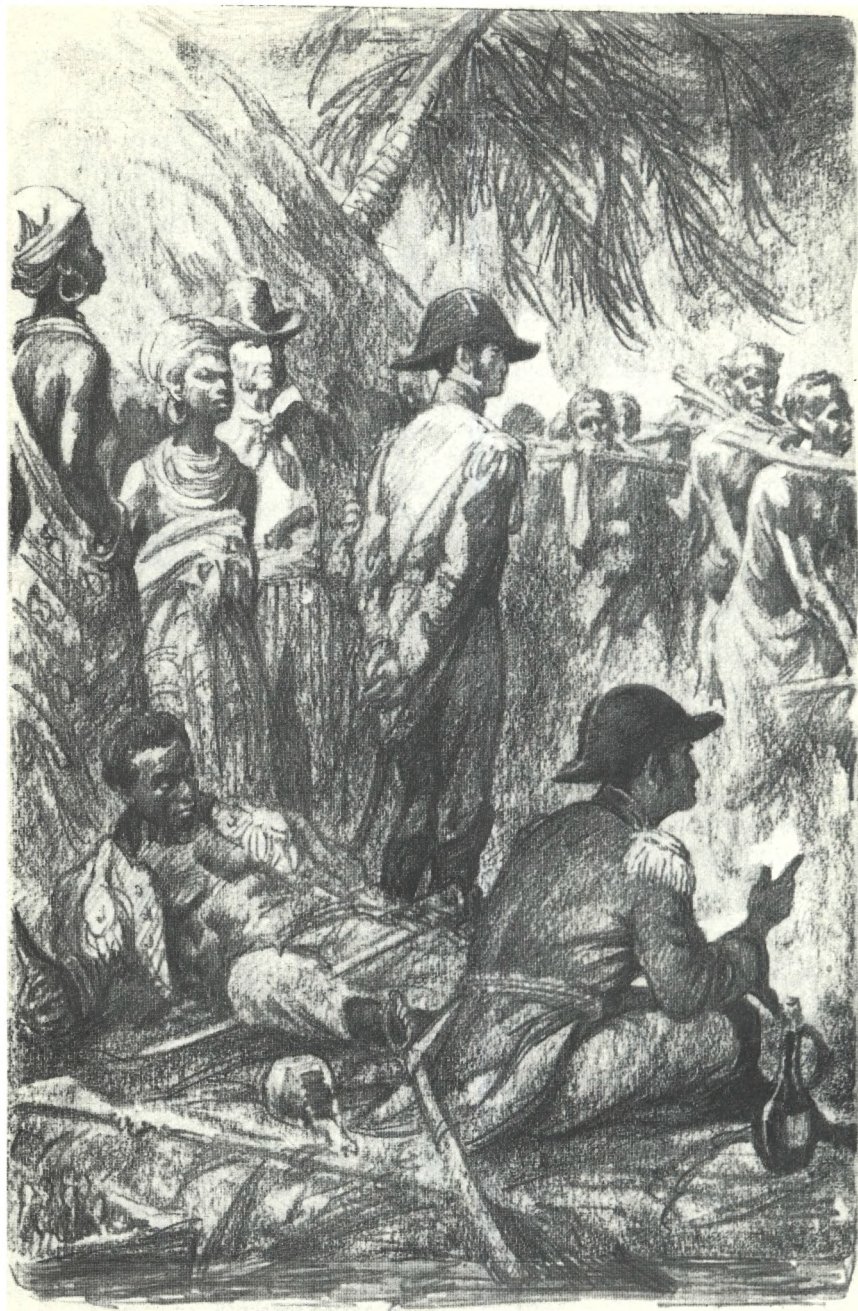
— Все мельчает, — говорил он. — Прежде все было по-другому: женщины были ростом в пять футов шесть дюймов, а мужчины могли вчетвером вертеть кабестан² фрегата при подъеме главного якоря.

Однако, продолжая придирааться, он уже отбирал самых сильных и красивых негров. За этих он мог заплатить обычную цену, но остальных соглашался купить только с большой скидкой. Таманго отстаивал свои интересы, расхваливал товар, говорил о том, как мало осталось людей и как опасно торговать ими. В заключение он назначил цену — уж не знаю какую — за тех невольников, которых белый капитан хотел погрузить на свой корабль.

Как только переводчик выговорил по-французски цифру, названную Таманго, Леду чуть не упал от изумления и негодо-

¹ Йолофы — одно из крупнейших сенегальских племен.

² Кабестан — вертикальный ворот для подъема и спуска якоря.

вания; затем, бормоча ужасные проклятия, он встал, словно прекращая всякие переговоры с таким неразумным человеком.

Но Таманго удержал его, и ему удалось, хотя и с трудом, усадить Леду на место. Откупорили еще одну бутылку, и торг возобновился. Теперь чернокожий в свою очередь стал возмущаться безрассудными и нелепыми предложениями белого. Они долго кричали, спорили, выпили чудовищное количество водки, но водка весьма различно действовала на каждую из сторон. Чем больше пил француз, тем меньше предлагал он за невольников; чем больше пил африканец, тем больше он уступал. Таким образом, когда корзина опустела, они договорились. Дешевые ткани, порох, кремни, три бочонка водки и пятьдесят кое-как отремонтированных ружей — вот что было дано в обмен на сто шестьдесят рабов. Чтобы скрепить сделку, капитан хлопнул ладонью по руке почти совсем опьяневшего негра, и невольники тут же были переданы французским матросам, которые поспешили снять с них деревянные рогатки и надеть им железные ошейники и кандалы — неоспоримое доказательство превосходства европейской цивилизации.

Оставалось еще около тридцати невольников: дети, старики, больные женщины. Корабль был полностью загружен.

Не зная, что делать с этим хламом, Таманго предложил его капитану по бутылке водки за штуку. Предложение было заманчиво. Леду вспомнил, как в Нанте, на представлении «Сицилийской вечерни»¹, в зал вошла целая компания — все люди крупные, толстые, — и, несмотря на то, что партер был переполнен, им все-таки удалось разместиться там, благодаря сжимаемости человеческого тела. Он взял двадцать самых худощавых из тридцати рабов.

Тогда Таманго стал просить только по стакану водки за каждого из десяти оставшихся. Леду сообразил, что в почтовых каретах дети занимают половину места взрослого, и за них платят половину стоимости билета. Поэтому он купил трех детей, но заявил, что не возьмет больше ни одного негра. Таманго, видя, что ему не сбыть оставшихся семь невольников, схватил ружье и прицелился в женщину, стоявшую в ряду первой: это была мать троих детей, которых взял Леду.

— Покупай, — сказал Таманго белому, — или я убью ее! Стакан водки, или я стреляю.

— На кой она мне черт? — возразил Леду.

Таманго выстрелил, и невольница упала мертвой.

— Следующий! — крикнул Таманго и направил ружье на дряхлого старика. — Стакан водки, или...

¹ «Сицилийская вечерня» — трагедия Казимира Делавиня, поставленная в Париже в 1819 г.; она обошла затем все крупные французские провинциальные сцены.

Одна из жен Таманго отвела его руку, и выстрел пришелся в воздух. Она узнала в старике, которого хотел убить ее муж, гириота, или колдуна, предсказавшего ей, что она будет королевой.

Таманго, разгоряченный выпитой водкой, окончательно вышел из себя, увидев, что кто-то противится его воле. Он сильно ударил жену прикладом и, повернувшись к Леду, сказал:

— Бери, я дарю тебе эту женщину.

Она была красива. Леду посмотрел на нее улыбаясь и взял ее за руку.

— Для нее-то у меня найдется местечко, — сказал он.

Переводчик был человек сострадательный. Он дал Таманго картонную табакерку и выпросил у него шесть оставшихся невольников. Он снял с них рогатки и отпустил на все четыре стороны. Они тут же разбежались, хотя и не знали, как доберутся до своей родины, находившейся за двести лье от побережья.

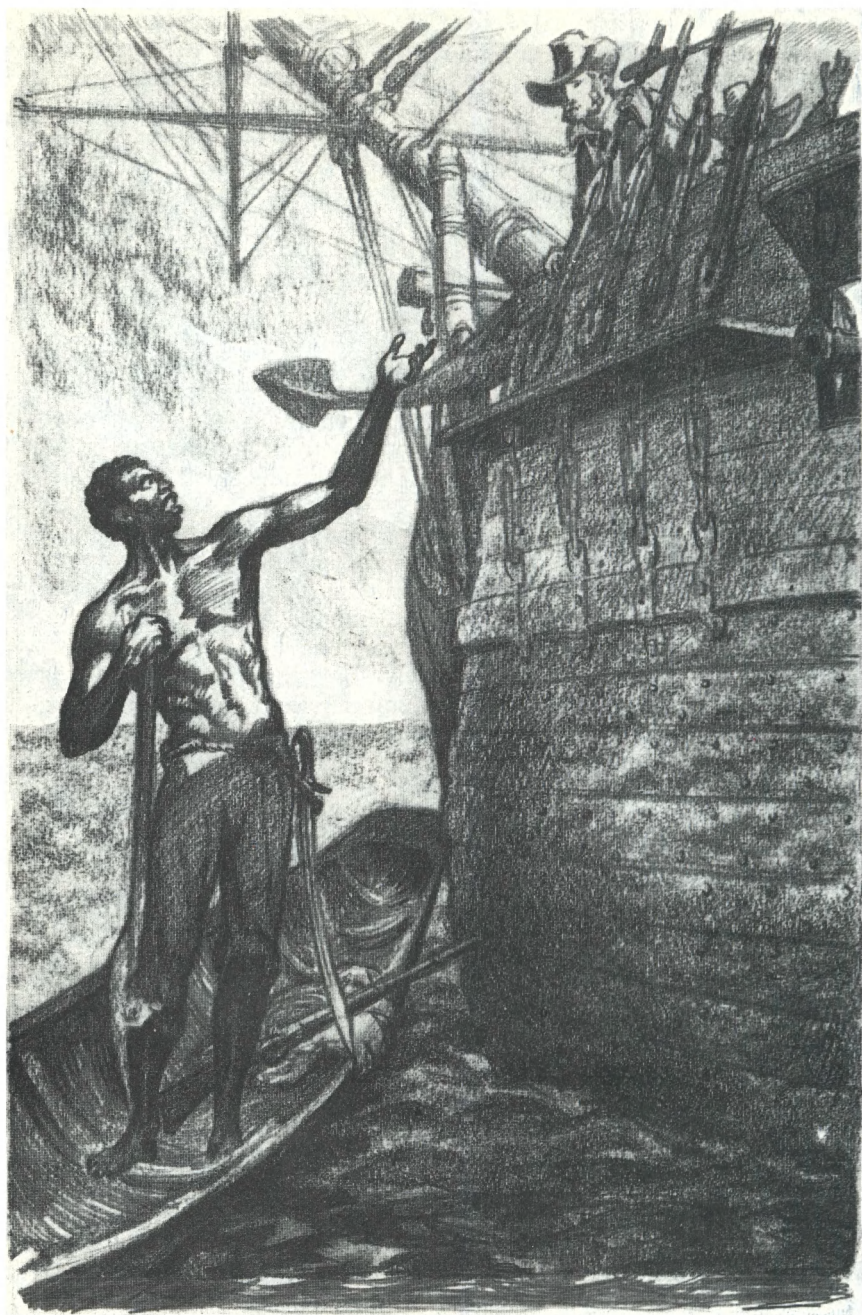
Тем временем капитан распрощался с Таманго и поспешил заняться погрузкой своего товара на корабль. Долго стоять в устье реки было опасно: могли вернуться английские крейсеры, и Леду хотел завтра же сняться с якоря. А Таманго улегся в тени на траву, чтобы проспать свой хмель.

Когда он проснулся, корабль, уже под парусами, спускался вниз по реке. Чувствуя туман в голове от вчерашней попойки, Таманго потребовал к себе свою жену Айше. Ему ответили, что она имела несчастье прогневить его и он подарил ее белому капитану, который взял ее с собой на корабль. Услыхав это, ошеломленный Таманго хлопнул себя по лбу, потом схватил ружье, и, так как река перед своим впадением в море образовывала несколько изгибов, он побежал по кратчайшему пути к небольшой бухте, находившейся в полумиле от устья. Там он надеялся найти лодку, чтобы подплыть к бригу, который должен был задержаться на поворотах реки. Он не ошибся: в самом деле, он успел прыгнуть в лодку и догнать невольничий корабль.

Увидев его, Леду удивился; он удивился еще больше, когда Таманго потребовал обратно свою жену.

— Дареное назад не отбирают, — ответил он и повернулся к Таманго спиной.

Чернокожий настаивал, предлагал вернуть часть товаров, полученных им в обмен на невольников. Капитан рассмеялся; он заявил, что Айше отличная жена и он хочет оставить ее себе. Тут из глаз бедного Таманго полились потоки слез, он стал испускать такие пронзительные крики, как будто ему делали хирургическую операцию. То он катался по палубе, призывая свою дорогую Айше, то бился головой о доски, словно хотел лишить

себя жизни. Капитан, все такой же невозмутимый, показывал на берег и знаками давал ему понять, что пора уходить; но Таманго упорствовал. Он дошел до того, что хотел отдать свои золотые эполеты, ружье и саблю. Все было напрасно.

Во время их спора старший помощник сказал капитану:

— Сегодня ночью у нас умерли трое невольников, место освободилось. Почему бы нам не взять этого здоровенного малого, ведь он один стоит тех троих, что умерли?

Леду рассудил, что Таманго можно легко продать за тысячу экую, что это путешествие, сулившее ему большие барыши, будет, вероятно, последним, что, раз уж он сколотил деньгу и покончил с торговлей рабами, не все ли ему равно, какая слава пойдет о нем на Гвинейском побережье — добрая или худая! К тому же вокруг было пустынно, и африканский воин находился всецело в его власти. Оставалось только отобрать у Таманго оружие, так как опасно было подступиться к нему, пока он держал в руках ружье и саблю.

И Леду попросил у него ружье, словно для того, чтобы посмотреть и удостовериться, стоит ли взять его в обмен на красавицу Айше.

Пробуя затвор, он постарался высыпать весь заряд пороха. Старший помощник тем временем вертел в руках саблю Таманго, и, пока тот стоял безоружный, двое дюжих матросов бросились на него, опрокинули его на спину и принялись вязать. Чернокожий сопротивлялся героически. Придя в себя от неожиданности, он, несмотря на то что был в невыгодном положении, долго боролся с двумя матросами. Благодаря его чудовищной силе ему удалось подняться. Ударом кулака он повалил человека, державшего его за шиворот, оставил клочок своего мундира в руках второго матроса и как бешеный бросился на старшего помощника, чтобы отнять у него саблю. Взмахнув ею, тот полоснул его по голове и нанес ему большую, но не глубокую рану. Таманго снова упал. Его тотчас же крепко связали по рукам и ногам. Защищаясь, он испускал яростные крики и бился, как дикий кабан, попавший в ловушку; однако, поняв, что всякое сопротивление бесполезно, он закрыл глаза и перестал двигаться. Только тяжелое и частое дыхание показывало, что он еще жив.

— Черт возьми! — вскричал капитан Леду. — Проданные им негры здорово посмеются, увидев, что он тоже стал невольником. Вот когда они убедятся в том, что провидение существует.

А бедный Таманго истекал кровью. Сострадательный переводчик, который накануне спас жизнь шести рабам, подошел к нему, перевязал ему рану и попытался его утешить. Не знаю, что мог он ему сказать. Негр лежал неподвижно, словно труп.

Пришлось двум матросам снести его, словно тюк, вниз, на предназначенное ему место. Два дня он не пил и не ел, он почти не открывал глаз. Товарищи Таманго по рабству, бывшие его пленники, встретили его появление в своей среде с тупым удивлением. Он и теперь внушал им такой страх, что ни один из них не посмел надругаться над несчастьем того, кто был причиной их собственных мучений.

Подгоняемый попутным ветром с суши, корабль быстро удалялся от берегов Африки. Перестав опасаться появления английских крейсеров, капитан теперь думал только об огромных барышах, ожидавших его в колониях, куда он направлялся. Его «черное дерево» в пути не портилось. Никаких заразных болезней не было. Только двенадцать негров, из самых слабых, умерли от жары: сушая безделица. Чтобы его человеческий груз как можно меньше пострадал от утомительного плавания, капитан Леду приказал ежедневно выводить невольников на палубу. Несчастных выпускали в три очереди, и в течение часа они запасались воздухом на целый день. Часть экипажа сторожила их, вооруженная до зубов из страха перед бунтом; впрочем, с негров никогда не снимали полностью всех оков. Иногда один из матросов, умевший играть на скрипке, угощал их концертом. И тогда любопытно было наблюдать, как все эти черные лица поворачивались к музыканту, как выражение тупого отчаяния постепенно сходило с них, и негры громко смеялись и хлопали в ладоши, если цепи позволяли им это. Мотив необходим для здоровья, поэтому капитан Леду завел полезный обычай: он часто заставлял невольников плясать, подобно тому как перевозимых на борту корабля лошадей во время долгого плавания заставляют топтаться на месте.

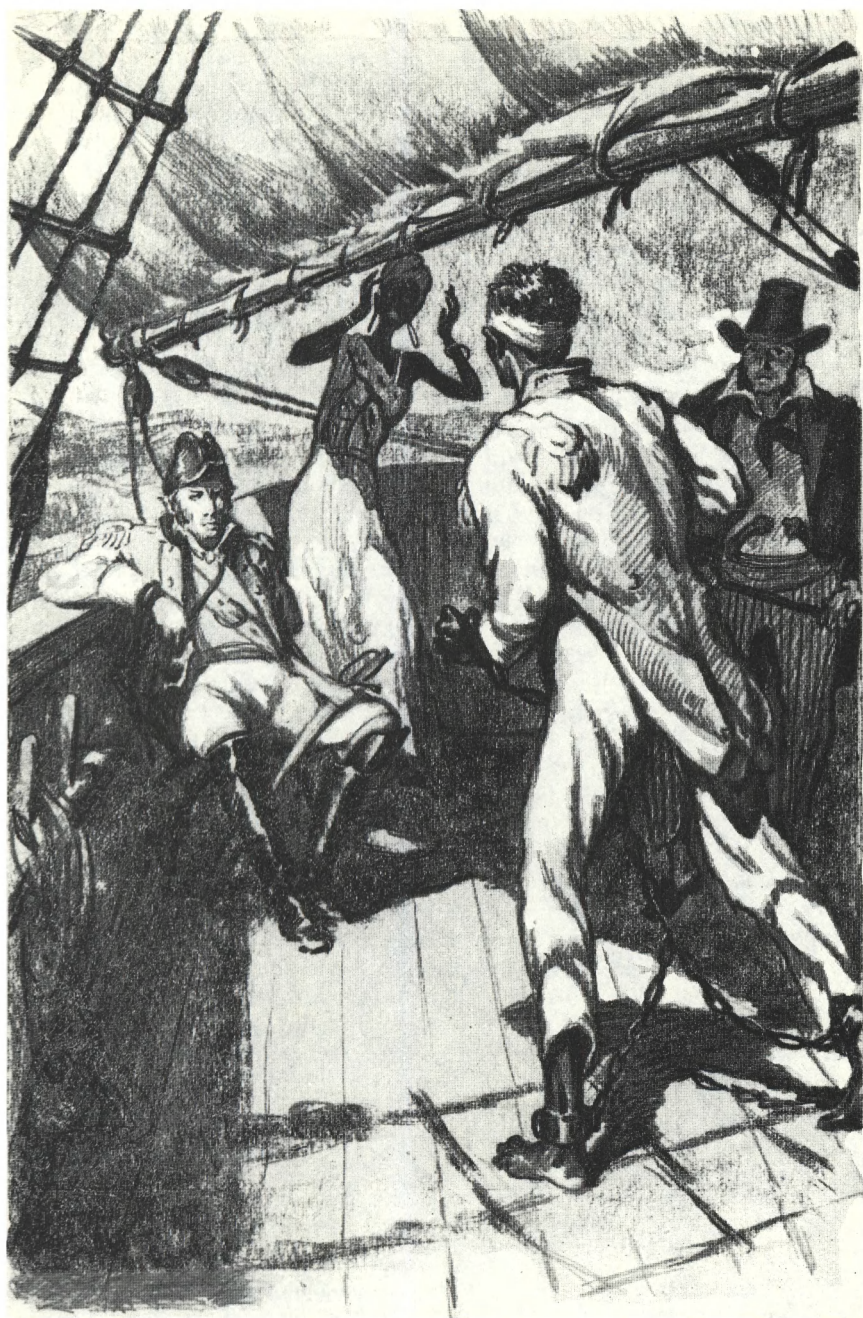
— Ну-ка, дети мои, попляшите, повеселитесь!— говорил капитан громовым голосом, щелкая длинным бичом.

И бедные негры тотчас же принимались прыгать и плясать.

Некоторое время рана Таманго не позволяла ему выходить наверх.

Наконец он появился на палубе; гордо подняв голову среди боязливой толпы невольников, он прежде всего бросил грустный, но спокойный взгляд на огромное водное пространство, расстилавшееся вокруг корабля, затем лег или, вернее, повалился на доски палубы, даже не расположив поудобнее свои цепи. Леду, сидя на юте¹, спокойно курил свою трубку. Возле него Айше, без оков, одетая в нарядное платье из голубого ситца, обутая в красивые сафьяновые туфли, держала в руках поднос с бутылками, чтобы по первому приказанию капитана налить ему вина. Очевидно, она исполняла при нем почетные обязанности. Один из негров, ненавидевший

¹ Ют — кормовая часть верхней палубы судна.

Таманго, знаком показал ему в эту сторону. Таманго повернул голову, заметил Айше, вскрикнул и, стремительно вскочив, побежал к юту, прежде чем сторожившие невольников матросы успели помешать такому неслыханному нарушению корабельной дисциплины.

— Айше! — воскликнул он грозным голосом, и Айше испустила крик ужаса. — Ты думаешь, в стране белых нет Мама-Джумбо?

Матросы уже бежали к нему с поднятыми палками, но Таманго, скрестив руки, словно безразличный ко всему, спокойно вернулся на свое место, а Айше залилась слезами и, казалось, окаменела от этих таинственных слов.

Переводчик объяснил, кто этот страшный Мама-Джумбо, одно имя которого внушало такой ужас.

— Это пугало негров, — сказал он. — Когда муж боится, чтобы его жена не сделала того, что делают многие жены как во Франции, так и в Африке, он угрожает ей Мама-Джумбо. Я собственными глазами видел этого Мама-Джумбо и понял, в чем тут хитрость, но чернокожие... они ведь такие простые, ничего не понимают. Представьте себе, однажды вечером, когда женщины развлекались танцами, устраивали фольгар,¹ как они это называют на своем языке, вдруг из небольшой рощи, очень густой и темной, доносится странная музыка. Кто играет — не видно, все музыканты спрятаны за деревьями. Тростниковые флейты, деревянные тамбурины, балафо² и гитары, сделанные из выдолбленных половинок тыквы, — получается такая мелодия, что под нее можно хоронить самого дьявола. Как только женщины услышали этот мотив, они задрожали от страха и бросились враспынную, но мужья не пускают их: жены хорошо знают, что рыльце у них в пушку. Тут из леса выходит длинная белая фигура, ростом с нашу брам-стенъгу³, с огромной, как котел, головой, с большущими, точно клюзы⁴, глазами и огненной, как у дьявола, пастью. Это чудовище двигалось медленно-медленно и отошло от леса не больше чем на полкабельтова⁵. Женщины кричали: «Вот он, Мама-Джумбо!» Они вопили, как торговки устрицами. Тогда мужья и говорят им: «А ну-ка, негодницы, рассказывайте, изменяли вы нам или нет? Если солжете, Мама-Джумбо сожрет вас живьем!» Некоторые простушки сознались, и тут уж мужья надавали им тумачков!

¹ Фольга́р — португальское слово, означающее «увеселение».

² Ба́лафо — ударный инструмент в виде набора деревянных пластинок.

³ Бра́м-сте́ньга — третья, считая от палубы вверх, составная часть мачты.

⁴ Клу́з — отверстие в носовой части судна для прохода якорного каната.

⁵ Ка́бельтов — единица длины при измерении коротких расстояний на море, равная примерно 200 метрам.

— А что же это за белая фигура, что это за Мама-Джумбо?— спросил капитан.

— Ну, это был какой-то шутник, закутанный в белую простыню, а голову чудовища изображала выдолбленная тыква с зажженной внутри свечой, которую он нес на конце длинной палки. Вот и вся хитрость; чтобы обмануть чернокожих, не требуется большого ума. А все-таки этот Мама-Джумбо — хорошая выдумка, и я не прочь, чтобы моя жена в него поверила.

— Что до моей, — сказал Леду, — то если она и не боится Мама-Джумбо, она боится Мартина-Кнута и хорошо знает, как бы я ее отделал, если бы ей вздумалось меня провести. В семье Леду все мы такие, с нами шутки плохи, и хоть у меня только одна рука, она еще может поработать линьком. А что касается вашего молодчика, который болтает о Мама-Джумбо, скажите ему, чтобы он прикусил язык и не пугал мою красотку, или я прикажу так надрать ему спину, что кожа на ней из черной станет красной, как сырой ростбиф.

С этими словами капитан спустился к себе в каюту, позвал Айше и попытался ее утешить; но ни ласки, ни даже побои — ведь в конце концов можно же потерять терпенье! — не успокоили красавицу негритянку: слезы ручьем лились у нее из глаз. Капитан вернулся на палубу в мрачном расположении духа и придрался к вахтенному начальнику из-за какой-то команды, которую тот как раз отдавал рулевому.

Ночью, когда почти весь экипаж спал глубоким сном, караульные слышали сначала размеренное, торжественное, мрачное пение, доносившееся снизу, затем пронзительный женский визг. И тотчас же на весь корабль раздался громкий голос Леду, выкрикивавший ругательства и угрозы, и шелканье его страшного бича. Минуту спустя все опять погрузилось в молчание. На следующий день, когда Таманго появился на палубе, лицо его было все в синяках, но он держался так же гордо и решительно, как прежде.

Как только Айше заметила его с юта, где она сидела возле капитана, она вскочила с места, быстро подбежала к Таманго, опустилась перед ним на колени и голосом, полным глубокого отчаяния, сказала:

— Прости меня, Таманго, прости!

С минуту Таманго пристально смотрел на нее, потом, заметив, что переводчик отошел в сторону, проговорил:

— Напильник! — и лег на палубу, повернувшись спиной к Айше.

Капитан резко выбралил ее, даже надавал ей пощечин и запретил разговаривать с прежним мужем; ему и в голову не пришло, что в их короткой беседе могло заключаться что-либо подозрительное, и он не задал на этот счет ни одного вопроса.

Между тем Таманго, запертый вместе с другими чернокожими, день и ночь заклинал их пойти на смелую попытку вернуть себе свободу. Он говорил, что белых не так уж много, обращал внимание невольников на все возрастающую небрежность караульных; затем уверял, что сумеет их отвезти обратно на родину, не объясняя, правда, каким образом он думает это сделать, хвастался своим знанием колдовских наук, которые в большом почете у всех негров, и угрожал мстью дьявола тем, кто откажется помогать ему в его предприятии. Все свои речи он произносил только на языке племени пёлей, понятном большинству негров, но незнакомом переводчику. Авторитет оратора, привычка рабов трепетать перед ним и подчиняться ему прекрасно помогли его красноречию, и негры стали торопить Таманго назначить день их освобождения гораздо раньше, чем сам он подготовился к осуществлению своего плана. Он уклончиво отвечал заговорщикам, что время еще не пришло и дьявол, являвшийся к нему во сне, еще не определил срока, но что они должны быть готовы действовать по первому сигналу. Между тем он никогда не упускал случая испытать бдительность охраны. Как-то раз один из матросов, прислонив свое ружье к борту брига, зазевался, следя за стаей летучих рыб, провожавших корабль. Таманго взял ружье и стал размахивать им, комичными жестами подражая движениям матросов во время учения. Не прошло и минуты, как у него отняли ружье, но он удостоверился в том, что может взять оружие, не вызывая немедленно подозрения; а когда придет время и оно понадобится ему всерьез, пусть тогда попробуют вырвать ружье из его рук!

Однажды Айше бросила ему сухарь, сделав знак, понятный ему одному. В сухаре был спрятан маленький напильник — от этого инструмента зависел успех заговора. Сначала Таманго не показал напильник своим спутникам, но когда наступила ночь, он стал бормотать несвязные слова, сопровождая их странными жестами. Постепенно возбуждаясь все больше, он начал испускать крики. Слыша меняющиеся интонации его голоса, можно было подумать, что он вступил в оживленный разговор с каким-то невидимым существом. Все невольники дрожали от страха, не сомневаясь, что в эту минуту среди них находится дьявол. Таманго положил конец этой сцене, испустив радостный крик.

— Друзья! — воскликнул он. — Дух, которого я заклинал, наконец исполнил мою просьбу, и орудие нашего освобождения у меня в руках. Теперь вам нужно только немного мужества, и вы вернете себе свободу.

Он дал ближайшим к нему неграм пощупать напильник, и, как ни проста была его хитрость, эти люди, еще более простые, поверили ей.

После долгого ожидания настал великий день мщения и свободы. Заговорщики, связанные торжественной клятвой, тщательно обсудив все, наметили план действий. Самые решительные во главе с Таманго должны были, когда наступит их очередь, выйти на палубу и обезоружить караульных, другие — пройти в каюту капитана и захватить все находившиеся там ружья. Тем, кто успеет перепилить свои кандалы, предстояло начать нападение; но, несмотря на упорную работу, продолжавшуюся в течение нескольких ночей, большинство невольников еще не могли по-настоящему принять участие в деле. Поэтому трем дюжим неграм было поручено убить человека, носившего в кармане ключ от кандалов, и сразу вслед за тем освободить своих закованных товарищей.

В тот день капитан Леду был в прекрасном расположении духа: вопреки своим правилам, он простил юнгу, заслужившего наказание плетью; он похвалил вахтенного начальника за умелое управление кораблем, объявил матросам, что он ими доволен, и пообещал, что на Мартинике, куда они вскоре должны были прибыть, выдаст каждому наградные. Все матросы, обрадованные столь приятными перспективами, уже думали о том, на что они потратят эти деньги. Они мечтали о водке и о цветных женщинах Мартиники, когда на палубу вывели Таманго и других заговорщиков.

Невольники постарались подпилить свои цепи таким образом, чтобы это не бросалось в глаза, но чтобы при малейшем усилии они могли их разорвать. К тому же они так громко звенели ими, что, слушая этот звон, можно было подумать, будто сегодня на них вдвое больше оков, чем обычно. Подышав немного свежим воздухом, они все взялись за руки и принялись плясать, а Таманго затянул воинственную песню своего племени¹, которую он певал в былые времена перед тем, как идти в бой. Немного погодя пляска прекратилась, и Таманго, словно выбившись из сил, растянулся у ног одного из матросов, который стоял, небрежно прислонившись к борту; все заговорщики сделали то же самое. Таким образом каждый матрос оказался окруженным несколькими неграми.

Внезапно Таманго, потихоньку разорвавший свои цепи, испускает громкий крик, который должен служить условным сигналом, хватает за ноги стоящего возле него матроса и резким рывком бросает его на палубу; упершись ногой ему в живот, Таманго отнимает у него ружье и в упор стреляет в вахтенного начальника. В тот же миг остальные заговорщики нападают на других караульных, обезоруживают их и тут же закалывают. Со всех сторон несутся воинственные крики. Боцман, державший при себе ключ от кандалов, погибает одним из пер-

¹ У каждого негритянского вождя есть своя песня. (Примеч. автора.)

вых. Вслед за тем негры толпой врываются на верхнюю палубу. Те, кто не находит оружия, хватают рукоятки кабестана или весла шлюпок. С этой минуты участь европейцев была решена. Правда, на юте несколько матросов оказали сопротивление, но у них не было ни оружия, ни отваги. Леду был еще жив и сохранял все свое мужество. Заметив, что душой заговора был Таманго, он подумал, что, если удастся убить его, справиться с остальными будет нетрудно. Он громко окликнул негра и кинулся ему навстречу с саблей в руке. Таманго тотчас же бросился на него. Он держал ружье за конец ствола и размахивал им, как дубиной. Оба начальника встретились на шкафуте¹ в этом узком проходе, соединяющем бак² с ютом. Таманго ударил первый. Белый увернулся ловким движением. Стукнувшись с силой о доски палубы, приклад сломался, и ружье отскочило так резко, что выскользнуло из рук Таманго. Теперь он был беззащитен, и Леду с улыбкой дьявольской радости уже взмахнул саблей, чтобы пронзить его, но Таманго был проворен, как пантеры его родины. Он ринулся на своего врага и схватил его за руку, готовую нанести удар. Один силится удержать оружие, другой — вырвать его из рук противника. Во время этой яростной схватки оба падают, но африканец оказался внизу. Тогда Таманго, не теряя мужества, изо всех сил стиснул капитана и с таким бешенством впился зубами ему в горло, что кровь хлынула, как из-под клыков льва. Сабля выпала из ослабевших рук капитана. Таманго схватил ее, и, вскочив на ноги, с окровавленным ртом, испуская торжествующий крик, он несколькими ударами прикончил своего полумертвого врага.

Победа была бесспорной. Немногие уцелевшие матросы пытались умолять восставших о пощаде, но все они и даже переводчик, который никогда не делал неграм зла, были безжалостно убиты. Старший помощник дорого отдал свою жизнь. Он отступил на корму, к одной из тех маленьких пушек, которые поворачиваются на оси и заряжаются картечью. Левою рукой он наводил пушку, а правой держал саблю и так хорошо защищался, что вокруг него скопилась целая толпа чернокожих. Тогда, нажав спуск, он выстрелил из пушки, и среди плотной массы людей образовался широкий проход, весь устланный мертвыми и умирающими. Через минуту старший помощник был разорван в клочья.

Когда труп последнего белого, растерзанный и искромсанный на куски, был выброшен за борт, негры, насытившись местью, подняли глаза к парусам, которые, все еще надуваясь от свежего ветра, казалось, по-прежнему повиновались

¹ Шкафút — средняя часть палубы корабля.

² Бак — носовая часть верхней палубы судна.

угнетателям и, несмотря на торжество победивших, увлекали их в страну рабства.

«Значит, все напрасно,— подумали они с грустью,— разве это огромное идолище белых захочет везти нас на родину,— нас, проливших кровь его повелителей?»

Некоторые высказывали предположение, что Таманго сумеет заставить его повиноваться. Тотчас громкими криками все призывают Таманго.

Он не спешил явиться на зов. Его нашли в кормовой каюте; он стоял, опершись одной рукой на окровавленную саблю капитана, и с рассеянным видом протягивал другую руку своей жене Айше, которая целовала ее, стоя на коленях. Радость победы не могла заглушить мрачной тревоги, сквозившей во всем его облике. Менее невежественный, чем остальные негры, он яснее их понимал трудность своего положения.

Наконец он появился на верхней палубе, изображая на лице спокойствие, которого не ощущал. Среди смутного гула сотни голосов, требовавших, чтобы он изменил путь корабля, он медленно подошел к рулю, словно хотел немного отдалить ту минуту, которая должна была и для него и для других определить пределы его могущества.

Все негры на корабле, даже самые тупые, успели заметить, что движение судна зависит от некоего колеса и находящегося против него ящичка; но этот механизм всегда был для них великой тайной. Таманго долго смотрел на компас, шевеля губами, как будто читая нанесенные на нем знаки; затем он поднес руку ко лбу и принял задумчивый вид человека, мысленно вычисляющего что-то. Все негры стояли вокруг него, раскрыв рты, вытаращив глаза, и боязливо следили за каждым его движением. Наконец с тем смешанным чувством страха и уверенности, которое порождается невежеством, он резко повернул рулевое колесо.

Как благородный конь, вздымающийся на дыбы под шпорой неосторожного всадника, красавица «Надежда» прынула на волну при этом неслыханном повороте штурвала, словно, негодуя, она хотела утонуть в пучине вместе со своим невежественным кормчим. Необходимое соответствие между направлением парусов и руля было внезапно нарушено, корабль накренился так круто, что, казалось, он сейчас опрокинется. Его длинные рей окунулись в море. Многие негры свалились с ног, несколько человек вылетели за борт. Вскоре корабль гордо поднялся навстречу набежавшей волне, как будто хотел еще раз вступить в борьбу с гибелью. Ветер удвоил силу, и вдруг со страшным треском рухнули обе мачты, сломанные на несколько футов выше основания, покрывая палубу щепками и тяжелой сетью веревочных снастей.

Охваченные паникой, испуская крики ужаса, негры броси-

лись к люкам; но так как ветер не встречал больше сопротивления, бриг выпрямился и стал мягко покачиваться на волнах. Тогда самые смелые из чернокожих вернулись на верхнюю палубу и убрали загромождавшие ее обломки. Таманго стоял неподвижно, опершись локтем на коробку компаса и согнутой рукой закрывая лицо. Айше была возле него, но не смела заговорить с ним. Понемногу негры приблизились; поднялся ропот, вскоре превратившийся в бурю упреков и ругательств.

— Предатель! Обманщик!— кричали они.— Ты причина всех наших несчастий! Ты продал нас белым, ты принудил нас восстать против них. Ты хвалился своей мудростью, ты обещал отвезти нас на родину. Мы, безумцы, поверили тебе, и вот мы все чуть не погибли, потому что ты оскорбил идола белых!

Таманго гордо поднял голову, и окружавшие его чернокожие в страхе отступили. Он подобрал оба ружья, знаком приказал жене следовать за собой и, пройдя через раздавшуюся перед ним толпу, направился к носу корабля. Там он устроил нечто вроде вала из пустых бочек и досок, затем уселся посреди этого укрытия, откуда угрожающе торчали штыки двух его ружей. Его оставили в покое. Среди восставших одни плакали, другие, подняв руки к небу, призывали своих богов и богов белых; некоторые, стоя на коленях перед компасом, с благоговением следили за непрерывным движением его стрелки и умоляли его вернуть их на родину; иные в мрачном оцепенении лежали на верхней палубе. Среди этих людей, потерявших всякую надежду, представьте себе женщин и детей, воющих от ужаса, и десятка два раненых, взывающих о помощи, которую никто не подумал им оказать.

Вдруг на верхнюю палубу прибегает какой-то негр; лицо его сияет. Он кричит, что обнаружил место, где белые хранили водку; его радость и все его поведение ясно показывают, что он уже ее попробовал. При этом известии крики несчастных на мгновение смолкают. Они бегут на камбуз и напиваются вволю. Через час они уже прыгали и смеялись на палубе, предаваясь всем крайностям самого скотского опьянения. Их пляски и песни сопровождались стонами и рыданиями раненых. Так прошел остаток дня и вся ночь.

Утром при пробуждении снова отчаяние. За ночь многие из раненых умерли. Корабль плыл, окруженный трупами. Море волновалось, и небо покрылось тучами. Стали держать совет. Несколько новичков в колдовском искусстве, не смеявших прежде и заикнуться о своем умении при Таманго, один за другим стали предлагать свои услуги. Испробовали несколько могущественных заклинаний. При каждой неудачной попытке уныние возрастало. Наконец негры снова вспомнили о Таманго, все еще не выходившем из своего укрытия. Как-никак он

был среди них самый мудрый; он один мог вывести их из ужасного положения, в которое они попали по его вине. Один старик, уполномоченный для мирных переговоров, приблизился к нему. Он попросил его выйти и подать совет, но Таманго, непреклонный, как Кориолан, остался глух к его мольбам. Повидимому он твердо решил жить один в своем убежище.

В запасе была еще водка. С ней по крайней мере забываешь и море, и рабство, и близкую смерть. Спишь и видишь во сне Африку, леса каучуковых деревьев, крытые соломой хижины, баобабы, покрывающие своей тенью целые деревни. Снова, как и накануне, началась оргия. Так прошло несколько дней. Плакать, кричать, рвать на себе волосы, потом напиться и заснуть — вот все, что им оставалось в жизни. Многие умерли от пьянства, некоторые бросились в море или закололись кинжалами.

Однажды утром Таманго вышел из своей крепости и остановился у обломков грот-мачты.

— Рабы,— сказал он,— во сне мне явился дух и открыл способ вывести вас отсюда и привезти на родину. Своей неблагодарностью вы заслужили, чтобы я вас покинул, но мне жаль этих плачущих женщин и детей. Я вас прощаю. Слушайте меня.

Все чернокожие, с почтением склонив головы, столпились вокруг него.

— Одни только белые,— продолжал Таманго,— знают могущественные слова, которым повинуются эти большие деревянные дома, но мы можем по своему желанию управлять легкими лодками, похожими на лодки нашей родины.

Он показал на шлюпку и другие лодки, находившиеся на борту брига.

— Наполним их съестными припасами, сядем в них и будем грести по ветру; мой и ваш повелитель заставит его дуть в сторону нашей родины.

Ему поверили. Трудно было представить себе более безрассудный план. Не умея пользоваться компасом, под незнакомым небом Таманго мог только блуждать наудачу. Он воображал, что если будешь грести прямо перед собой, то в конце концов обязательно встретишь какую-нибудь землю, населенную неграми, потому что чернокожие владеют землей, а белые всегда живут на кораблях. Это он слышал от своей матери.

Скоро все было готово к отплытию; но годными оказались только одна шлюпка и челнок. В них не хватало места для восьмидесяти оставшихся в живых негров. Пришлось покинуть всех раненых и больных. Большинство просили лучше убить их, чем бросить на произвол судьбы. Обе лодки, спущенные на воду с бесконечным трудом и отягощенные грузом, отошли от корабля в бурное море, угрожавшее поглотить их каждую ми-

нуту. Первым отчалил челнок. Таманго и Айше сидели в шлюпке, которая была гораздо тяжелее, сильнее нагружена и поэтому значительно отстала. Еще слышались жалобные крики нескольких несчастных, покинутых на борту брига, когда высокая волна перекатилась через шлюпку и залила ее водой. Не прошло и минуты, как шлюпка пошла ко дну. С челнока увидели катастрофу, и его гребцы удвоили усилия, боясь, что им придется подобрать нескольких утопающих. Почти все, кто был в шлюпке, утонули. Только человек десять вернулись на корабль. В их числе были Таманго и Айше. Когда солнце село, они увидели, как челнок исчез за горизонтом; но что с ним стало, никому не известно.

Зачем мне утомлять читателя отвратительным описанием мук голода? Около двадцати человек на узкой площадке, то бросаемые бурным морем, то палимые жгучим солнцем, каждый день отнимают друг у друга жалкие остатки съестных припасов. Каждый кусок сухаря достается ценою борьбы, и слабый гибнет не потому, что сильный его убивает, а потому, что он обрекает его на смерть. Через несколько дней на борту брига «Надежда» остались в живых только Таманго и Айше.

Однажды ночью море волновалось, дул сильный ветер и царил такой мрак, что с кормы нельзя было различить нос корабля. Айше лежала на тюфяке в капитанской каюте, Таманго сидел у ее ног. Оба давно уже молчали.

— Таманго,— воскликнула Айше,— все эти страдания ты терпишь из-за меня...

— Я не страдаю,— ответил он резко. И он бросил на матрац возле жены половину оставшегося у него сухаря.

— Сбереги его для себя,— сказала она, тихонько отталкивая сухарь,— я больше не хочу есть. Да и зачем? Разве мой час не настал?

Таманго поднялся не отвечая, прошел, шатаясь, на верхнюю палубу и сел у подножия сломанной мачты. Низко опустив голову, он насвистывал песню своего племени. Вдруг сквозь шум ветра и моря донесся громкий крик, показался свет. Он снова услышал крики, и большое черное судно стремительно пронеслось мимо брига, так близко, что реи прошли над его головой. Он рассмотрел только двух людей, лица которых были освещены фонарем, подвешенным к мачте. Эти люди еще раз крикнули что-то, и их корабль, гонимый ветром, тут же исчез во мраке. Без сомнения, вахтенные заметили потерпевшее кораблекрушение судно, но бурная погода помешала им изменить курс. Мгновение спустя сверкнул огонь, и раздался пушечный выстрел; затем Таманго увидел огонь другой пушки, но уже не слышал никакого звука; потом он ничего

больше не видел. На следующий день ни один парус не появлялся на горизонте. Таманго снова лег на тюфяк и закрыл глаза. Его жена Айше умерла в эту ночь.

Не знаю, много ли времени спустя английский фрегат «Беллона» обнаружил какое-то судно без мачт, по-видимому покинутое своим экипажем. Когда к нему приблизились на шлюпке, там нашли мертвую негритянку и негра, до того исхудавшего и высохшего, что он походил на мумию. Он был без сознания, но жизнь еще теплилась в нем. Корабельный врач занялся им, ему оказали помощь, и, когда «Беллона» прибыла в Кингстон¹, он был уже совершенно здоров. Его расспросили о егоключениях. Он рассказал все, что знал. Плантаторы острова требовали, чтобы его повесили как негра-бунтовщика, но губернатор, человек гуманный, заинтересовался им и счел, что его можно оправдать, так как, в сущности, он воспользовался законным правом самозащиты; к тому же те, кого он убил, были ведь только французы. С ним поступили, как поступают с неграми, взятыми с конфискованного невольничьего корабля. Ему вернули свободу, то есть заставили его работать на правительство, но кормили его и платили ему шесть су в день. Он был очень красив. Командир 75-го полка увидел его и взял к себе литавщиком в полковой оркестр. Он немного выучился по-английски, но не любил разговаривать. Зато он неумеренно пил ром и сахарную водку. Он умер в больнице от воспаления легких.

¹ Кингстон — порт на острове Ямайка.

Искусство чтения, как известно, совсем не сводится к тому, чтобы одним махом, забыв обо всем на свете, «проглотить» книгу, взволнованно, с румянцем на щеках, переживая удачи и злоключения ее героев, нетерпеливо пролистывая какие-то совсем «ненужные» описания природы и прочие подробности, — добраться до конца, перевести дыхание, отложить книгу в сторону и больше никогда о ней не вспомнить. Искусство чтения — это, прежде всего, умение разобраться в прочитанной книге, понять и оценить ее по достоинству. Попробуем разобраться в творчестве Проспера Мериме.

Мериме — автор увлекательных новелл. Они захватывают, и оторваться невозможно. Мериме постоянно держит читателя в напряжении: что будет дальше? Он мастер создавать неожиданные повороты действия, драматические конфликты. Он рассказывает о необыкновенных, порой фантастических приключениях. В его новеллах оживают статуи, мужчины стреляются на дуэлях, берут приступом редуты, влюбляются до беспамятства, но женщины не всегда отвечают им взаимностью, на женщин нападают в литовских лесах медведи, кареты их опрокидываются, они выбрасываются из окна, порою они оказываются отважнее и даже беспощаднее своих кавалеров.

Читая Мериме, мы очутились в мире сильных чувств. Именно необычность, пылкость, размах страстей и создали тот особый жанр новеллы, который связан с именем Мериме. В его новеллах страсти кипят не впустую. Мериме увлекает, заманивает читателя в дебри событий не с одной только целью развлечения. Он ставит читателя перед необходимостью решать серьезные жизненные вопросы.

Порой думают, что книги писателя так или иначе должны отражать события его собственной жизни. Мериме похож на Жюль Верна, который, никогда не путешествовав, написал множество книг о невероятных путешествиях. Жизнь Мериме и новеллы Мериме представляют собою не меньший контраст.

Мериме прожил в целом очень благополучную, спокойную и счастливую жизнь. Ему везло во многих начинаниях. Он, можно сказать, родился в рубашке. Это случилось в 1803 году, в семье просвещенных, наделенных вкусом к изящным искусствам родителей, чье вольтерьянство зашло столь далеко, что при рождении они даже не крестили младенца. Мериме унаследовал вольнолюбивый дух родителей и прожил всю жизнь атеистом, что не могло не отразиться на философской основе его произведений. Он рано вкусил литературной славы и еще раньше узнал, что такое дружба с великим писателем. Девятнадцатилетним юношей он познакомился и затем подружился со Стендалем, который был значительно старше Мериме, и эта дружба оказала большое влияние на вкусы и литературные пристрастия будущего писателя.

Молодого Мериме тянуло к литературным мистификациям. Это была своего рода игра, в которой требовалось провести читателя за нос, заставить его поверить в истиннейший вымысел и вдоволь повеселиться. В 1825 году Мериме выпустил сборник пьес «Театр Клары Гасуль», выдав его за сочинение испанской актрисы, чей портрет и биография были предпосланы сборнику. Мистификация удалась не только потому, что читатели поверили в реальность

Клары Гасуль, но, что гораздо важнее, и потому, что им понравились темпераментные, необычные по своей форме пьесы. Через два года — новая мистификация, на этот раз в жанре народных песен. Мериме издает книгу «Гузла», которую объявляет сборником подлинных произведений сербского фольклора. Это был новый успех. Мериме удалось даже ввести в заблуждение Пушкина и Мицкевича, которые переложили некоторые баллады на родной язык.

Любовь к мистификации сохранилась у Мериме в дальнейшем. Ее след заметен и в новелле «Маттео Фальконе». У читателя возникает полная иллюзия того, что автор досконально знает Корсику. Взять хотя бы начало новеллы, где автор выступает проводником, уверенно ведущим читателя по извилистым тропкам в сторону маки, попутно объясняющим ему топографию острова и нравы его обитателей, эпизод из жизни которых он собирается рассказать. Каково же, однако, оказывается наше удивление, когда мы узнаем, что впервые Мериме посетил Корсику лишь через десять лет после написания новеллы и что тогда, после своего невымышленного посещения, Мериме внес в повествование лишь несколько незначительных исправлений! Любовь Мериме к мистификации можно толковать по-разному. В ней была дань общему, модному в то время романтическому представлению об искусстве как об игре, но мне в ней видится и чисто биографический момент: способ разнообразить свою жизнь, сделать ее более праздничной, карнаваловой.

Подобная причина может отчасти объяснить и тягу Мериме к путешествиям, хотя его не назовешь великим путешественником. Он не совершал кругосветных плаваний и дальше Европы не выбирался. География его новелл куда более обширна. Она простирается от Сенегала до Литвы и России, от Испании и Корсики до Египта и Турции. Пожалуй, наиболее любимой страной Мериме была Испания, где происходит действие самой известной из его новелл «Кармен». Но Мериме хорошо знал и свою собственную страну, исколесив ее по делам службы.

До 1830 года Мериме не служил, считая противным своим либеральным убеждениям государственную службу на пользу консервативному режиму Реставрации, когда на смену Наполеону, сосланному на остров Святой Елены, к власти пришла династия Бурбонов. Однако после революции 1830 года Мериме поступает на службу и через некоторое время становится главным инспектором исторических памятников Франции. В этом качестве в течение двадцати лет Мериме спасает от разрушения множество романских и готических соборов, фресок, витражей, скульптур, которые в ту пору не охранялись и находились в совершенно запущенном состоянии. Результатами этих поездок стали как художественные произведения, так и научные труды.

В каких кругах Парижа вращался Мериме? По своему происхождению, достатку и связям он принадлежал к светскому обществу, которому в молодости отдал немало времени, однако в дальнейшем не мог не разочароваться в нем, увидя его внутреннюю пустоту. Критики сходятся во мнении, что Мериме набросал свой автопортрет в начале новеллы «Этрусская ваза», выведя себя под именем Сен-Клера: «Он родился с сердцем нежным и любящим; но в молодости, когда так еще легко воспринимаются впечатления... его слишком пылкая натура навлекла на него насмешки товарищей. Он был горд и самолюбив. Он, как ребенок, дорожил чужим мнением. Он призвал все свои

силы, стараясь научиться скрывать все то, что, по его тогдашним понятиям, считалось унижительной слабостью. Цель была достигнута; но такая победа над собой обошлась ему дорого».

Современники отмечают замкнутость, холодность Мериме. Он словно носил непроницаемую маску. Это объясняется природной застенчивостью писателя, исключительной чувствительностью его натуры. И здесь тоже намечается один любопытный контраст: между «жестокостью» некоторых его новелл и «мягкостью» его характера. Однажды в Греции спутники Мериме были немало удивлены, когда автор «Маттео Фальконе» расплакался, увидя похороны ребенка.

В сорок один год Мериме стал членом Французской академии. Это высшая честь, которой может удостоиться французский писатель, попадая тем самым в разряд, как говорят во Франции, «бессмертных». Но и это еще не кульминация его общественной карьеры. Позднее, при Наполеоне III, Мериме, благодаря своей старой дружбе с испанской аристократкой Евгенией Монтихо, ставшей в 1853 году императрицей Франции, оказывается приближенным к императорскому двору и назначается сенатором. Это вызывает раздражение в демократических кругах интеллигенции. Престарелый Мериме умирает в 1870 году, за год до революционных событий Парижской коммуны.

Мериме был прирожденным лингвистом. С легкостью необыкновенной он выучивал языки, занимался сравнительным языкознанием. В зрелом возрасте выучил русский. Мериме никогда не бывал в России, но у него были русские друзья. Дружеские узы связывали его с Тургеневым. Не без влияния Тургенева Мериме заинтересовался русской литературой, перевел некоторые произведения Пушкина, «Ревизора» и часть «Мертвых душ» Гоголя. В 1862 году Общество любителей российской словесности избрало Мериме своим почетным членом.

У него были деньги, слава, почет. Но главным богатством Мериме, благодаря которому он вошел в историю французской литературы, были его новеллы. В них, прозрачных по языку и изящных по композиции, всякий раз заключена какая-то тайна. Дело отчасти объясняется тем, что основные герои новелл Мериме — люди необычные, яркие, страстные, далеко не всегда соответствуют общепринятым нормам поведения.

Возьмем для примера Маттео Фальконе. Повествователь не скрывает ни своей симпатии к его внешности, завидной для мужчины, ни своего уважения к его способностям, в частности, меткости, которая «была необычной даже для этого края, где столько хороших стрелков». Кроме того, мы узнаем, что он был «услужливый для друзей и щедрый к бедным» и что жил в мире со всеми в округе Порто-Веккьо. Правда, о Маттео рассказывали, что «он жестоко расправился с соперником», и приписывали выстрел из ружья, «который настиг соперника в ту минуту, когда тот брился перед зеркальцем, висевшим у окна».

Выстрел мог бы насторожить: убить человека во время бритья — не большая услуга. Но, как ни странно, этот эпизод даже скорее «красит» Маттео, подчеркивая силу его любви к Джузеппе. Ведь всем известно, что любовь требует отчаянных поступков.

Короче, перед нами складывается образ положительного героя. Но что про-

исходит дальше? Читая «Маттео Фальконе» в первый раз, никак не можешь и не хочешь допустить, что отец выстрелит, расстреляет сына. Ну, пугает в овраге, ну, накажет как-нибудь построже, но чтобы выстрелить — никогда!

Не потому ли так лихорадочно и прочитываются последние страницы новеллы, что хочется верить в хороший исход, ибо иначе уж слишком жестоко и страшно?

Понятно, что мальчик поступил дурно. Он предал человека, «продал» его за серебряные часы с цепочкой. Это низко, непростительно. За этот поступок он должен понести наказание. Наказание, соразмерное с проступком. Иначе наказание само по себе превратится в преступление.

Здесь нужно иметь в виду все обстоятельства дела и прежде всего возраст мальчика: ему еще только десять лет и о нем сказано, что «он подавал уже большие надежды». Да, разумеется, своим предательством он опозорил отца, но, с другой стороны, он ведь выдал не честного человека, а бандита, который, будь у него заряженное ружье, мог бы убить мальчика за нежелание его укрыть. Наконец, разве не лежит вина и на сержанте Гамба, который поначалу запугивал мальчика тюрьмой, а затем взялся его подкупать самым коварным образом? Разве не было оказано на ребенка сильное психологическое давление? Ему было от чего растеряться.

Казалось бы, Маттео должен был это понять. Но он не пожелал разбираться в частностях. Он понял одно: что дом его опозорен и что позор смоем только кровью. Он отвел сына в овраг и совершил то самое жестокое и страшное дело, в которое читателю не хотелось верить.

Невольно напрашивается сравнение с другим сыноубийством, хорошо известным по русской литературе. Тарас Бульба казнил своего младшего сына Андрия. Но ведь Андрий действительно совершил преступление: он перешел во вражеский стан, убивал на поле боя своих соотечественников, он предал родную землю ради любви к прекрасной полячке. И даже тогда, когда список его прегрешений велик, сцена казни вызывает тяжелое чувство.

В новелле Мериме наказание вопиющим образом не соответствует проступку мальчика, словно в насмешку названного Фортунато (то есть счастливым).

В то же время, уже прочтя новеллу, понимаешь, что казнь не могла не состояться, потому что иначе не было бы и самой новеллы. Эта первая по времени опубликования (1829) новелла Мериме оказалась не простым орешком.

Выстрелу Маттео нельзя найти никакого оправдания. Он совершил чудовищный, бесчеловечный поступок. Есть критики, которые убеждены, что, несмотря на всю свою жестокость, Маттео Фальконе выражает собой некий корсиканский идеал чести. Но в характере Маттео Фальконе скорее избыток честолюбия и эгоизма, чем верность понятию о чести.

В каком-то смысле Маттео был наказан. Он пожелал спасти честь рода ценой смерти единственного сына и тем самым выстрелом прервал жизнь этого рода. Но, видимо, он мало что понял, потому что повествователь, встретившись с ним через два года после описанных событий, никаких угрызений совести в нем не отмечает, а лишь говорит о наружности, которую иначе как цветущей не назовешь.

Нельзя сказать, что Мериме целиком и полностью разделял идеи романти-

ков. Но по его собственному свидетельству он отдал дань романтизму. «В 1827 году, — писал Мериме, — я был *романтиком*. Мы говорили *классикам*: «Ваши греки вовсе не греки, ваши римляне вовсе не римляне. Вы не умеете придавать вашим образам *местный колорит*. Все спасение — в местном колорите»... Я умирал от желания поехать туда, где он еще сохранился, ибо сохранился он далеко не везде».

К счастью для юного романтика, «местный колорит» водился на Корсике. Страна обетованная местного колорита! Ради него Мериме был готов простить многое. Он, который столь язвительно и саркастично относился к людям высшего света, не прощая им лживости, черствости, ханжества, высокомерия, в странах, где водились «местный колорит» и яркие личности, которые далеко не всегда были в ладах с законом, был гораздо терпимее к их недостаткам, если не сказать преступлениям. В этом он руководствовался своей теорией относительности нравственных критериев. В предисловии к «Хронике царствования Карла IX» Мериме объясняет причину своего обращения к событиям трехсотлетней давности. Его интересовали путешествия в поисках «местного колорита» не только в пространстве, но и во времени, однако сущность самих поисков от этого не менялась: «Мне представляется любопытным сравнить тогдашние нравы с нашими и обратить внимание на то обстоятельство, что сильные чувства выродились, зато жизнь стала спокойнее и, пожалуй, счастливее. Остается решить вопрос: лучше ли мы наших предков, а это не так легко, ибо взгляды на одни и те же поступки с течением времени резко изменились».

Вопрос остается открытым. Для Мериме сильные чувства в какой-то мере уравновешивают стремление к спокойной и более счастливой жизни.

Именно это равновесие и ощущается в новелле, где Мериме ни словом не осудил поступок Маттео Фальконе. Он словно перенес его в другое этическое измерение, в область этнографического курьеза, залюбовавшись жестокой красотой самой темы. Здесь торжествует эстетический интерес, что, впрочем, нередко оказывалось ахиллесовой пятой романтиков.

Напротив, в новелле «Таманго», опубликованной в том же 1829 году, автор не считал нужным скрывать свое отношение к героям и выразил свои пристрастия с помощью иронической позиции.

Коснемся этого понятия иронии как очень важного для литературы. «Ирония» — греческое слово; оно означает «притворство». Писатель пользуется иронией как приемом, позволяющим ему высказать притворное «одобрение, выражающее порицание» (эта четкая, исчерпывающая формулировка принадлежит В. И. Далю).

Новелла «Таманго» пронизана авторской иронией. Автор ироничен по отношению к обоим главным персонажам: работоторговцу Леду и негритянскому вождю Таманго.

Мериме строит свою новеллу как своеобразное состязание между ними в варварстве.

Автор как бы восхищается «бравым моряком» и расхваливает Леду как человека, незаменимого для торговли неграми. Но так как работоторговля для Мериме — безусловное зло, то читатель быстро понимает цену восторгам.

Отношение автора к Таманго более двойственно и иронией не ограничивается. Оно колеблется между ироническим взглядом на «прославленного вои-

на», который, являясь перед европейцем в мундире, надетом на голое тело, и с кавалерийской саблей, подвязанной веревкой, пребывает в полном восторге от самого себя, и подлинным сочувствием к попавшему в западню черному гиганту, даже, можно сказать, любованием им, поднявшим бунт против белых.

Мериме с видимым наслаждением описал сцену схватки между одиноким капитаном и Таманго. Таманго победил, прокусив капитану горло. Мериме привлек к себе парадокс: дикарь восторжествовал над цивилизованным «варваром». Восставшие разорвали белых в клочья. Но их торжество было недолгим.

У Рембо есть стихотворение «Пьяный корабль». Это знаменитое стихотворение, в котором поэт сравнил свою жизнь с кораблем без руля и ветрил. Похожим кораблем стал корабль, где победил поднятый Таманго бунт.

Мериме сочувствует негритянским невольникам, но не склонен идеализировать их. Да и как можно идеализировать того же Таманго, который убил пожилую негритянку лишь потому, что капитан Леду не пожелал заплатить за нее стакан водки? И когда Таманго решает вызволить свою красивую жену Айше, он скорее думает о себе, чем о ней. Это — его собственность, которую он отдал под воздействием алкоголя.

Сцены новеллы, где Таманго торгует соплеменниками, уже сформировывают читательское мнение о герое, и изменить это мнение можно лишь при условии перерождения героя. Происходит ли оно?

Обреченный на медленную смерть, Таманго тоскует. В нем просыпается чувство великодушия, высоко ценимое Мериме. Возможно, в преддверии смерти Таманго о многом передумал и вместо людоедства, которое вполне можно было бы предположить, он делится с женой последним сухарем.

Но история перерождения, если она и состоялась, в новелле только намечена, и, быть может, потому, что она требовала невозможного в ту пору искусства раскрыть изнутри душевный мир дикаря. Лишь недавние исследования этнографов, и в частности французских этнографов, позволили создать представление о примитивном сознании. В этом направлении Мериме, разумеется, вынужден был двигаться ощупью. Его Таманго получился посему «полукровкой»: наполовину вождем дикарей, наполовину романтически понятым, байроновским героем, борющимся за свою свободу.

Остается добавить, что в России, где в то время продажа крепостных была в порядке вещей, новелла не могла быть опубликована по цензурным соображениям и появилась впервые — под названием «Черный царь» — лишь в 1895 году.

Даже краткий анализ новелл Мериме убеждает нас в том, что это увлекательное чтение отнюдь не столь просто. Можно поспорить не только с героями новелл, выразив к ним свое собственное отношение, но порою и с автором. Большой писатель предоставляет читателю широкие возможности для самостоятельных размышлений о людях и жизни.

Вик. Ерофеев

8 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Для среднего и старшего возраста

Проспер Мериме

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ • ТАМАНГО

Новеллы

ИБ № 7831

Ответственный редактор *Т. И. Рудакова*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*. Технический редактор *Р. П. Тихомирова*. Корректоры *О. В. Габонь* и *И. Н. Мокина*.

Сдана в набор 16.06.84. Подписано к печати 01.04.85. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсет. № 1. Шрифт литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3. Усл. кр.-бл. 3,5. Уч.-изд. л. 3,01. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 2891. Цена 10 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.